

БЕРНАР МИНЬЕР ГАДКАЯ НОЧЬ

БЕСТСЕЛЛЕР № 1
ВО ФРАНЦИИ

ОТ АВТОРА
ЗНАМЕНИТОГО РОМАНА
«ГРЕБАНАЯ ИСТОРИЯ»

Майор Мартен Сервас

Бернар Миньер

Гадкая ночь

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Миньер Б.

Гадкая ночь / Б. Миньер — «Эксмо», 2017 — (Майор Мартен Сервас)

ISBN 978-5-04-101238-0

Миньер – это огромный талант рассказчика и умение вселить в душу читателя страх; не хуже, чем у Стивена King в его лучших романах. Daily Mail Этот роман стал во Франции бестселлером № 1, а его автор окончательно закрепил за собой репутацию живого классика французского триллера. Книги о Мартене Сервасе переведены более чем на 20 языков, а компания Netflix сняла по ним сериал. Чудовища выползают из ночи... В жизнь майора тулузской полиции Мартена Серваса вернулся его главный кошмар. И у этого кошмара есть имя. Юлиан Гиртман. Самый изощренный, самый хитроумный и самый неуловимый маньяк современности. Человек с тысячью обличей и уловок. Какое-то время Гиртман содержался в клинике строгого режима. Но решетки и смиренные рубашки оказались не способны удержать злого гения...

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-101238-0

© Миньер Б., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Прелюдия	6
Кирстен	11
1. Мариакирхен	11
2. 83 души	16
3. Телеобъектив	26
Мартен	28
4. Сраженный молнией	28
5. Где-то по соседству со смертью	37
6. Пробуждение	44
7. Сефар	49
8. Ночной визит	54
Кирстен и Мартен	56
9. Было еще темно	56
10. Группа	59
11. Вечер	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Бернар Миньер

Гадкая ночь

Bernard Minier
Nuit

© XO Editions, 2017. All rights reserved

© Клокова Е. В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Лоре Муньоз. Это роман и ее тоже.
Жо (1953–2016)*

*Кто скачет, кто мчится
Под хладною мглой?
Ездок запоздалый.
С ним сын молодой.*

Гёте «Лесной царь»

*В другой раз.
Было еще темно.*

Ив Бонфуа

Прелюдия

Она смотрит на часы. Скоро полночь.

Ночной поезд. Ночные поезда – разломы в пространстве-времени, параллельные вселенные: внезапно приостановленная жизнь, тишина, неподвижность. Оцепенелые тела; вялость, сны, похрапывание... И бешеный галоп колес по рельсам, скорость, влекущая людей – их сущности, их прошлое, их будущее – в другое место, до поры скрытое во тьме.

Кто знает, что может стрястись между пунктами А и Б?

Дерево, упавшее на рельсы, злонамеренный пассажир, задремавший машинист... Она размышляет, не углубляясь и не заикливаясь, скорее из праздности, чем от страха. После Гейло¹ никто не садился, она в вагоне одна. Поезд идет со всеми остановками. Аскер. Драммен. Хёнефосс. Гуль. Ол². Станции, которые вот-вот исчезнут под снегом, – две железнодорожные колеи – четыре рельса, пара зданий (скорее хижин), – как в Устаосете³, где сошла одна женщина. Она замечает далекие огни, микроскопические в безразмерной норвежской ночи. Несколько отдельно стоящих домов, где над входной дверью всю ночь горят фонари.

В вагоне никого: сразу видно – среда. Когда наступает зима, поезд с четверга по понедельник переполнен, едут в основном туристы-азиаты и молодежь, пункт назначения – горнолыжные базы. А летом четыреста восемьдесят четыре километра линии Осло – Берген считаются одной из самых красочных «железок» в мире: сто восемьдесят два туннеля, виадуки, озера и фьорды. Но в сердце северной ночи, такой ледяной, как нынешняя, в середине недели здесь нет ни души. Широкий проход с рядами одинаковых кресел по обе стороны тих, безмолвен и производит гнетущее впечатление, как будто пассажиры услышали сигнал тревоги и вышли. Все. Кроме нее.

Она зевает. Заснуть не удалось, несмотря на плед и маску-шоры. Пустой поезд не позволяет расслабиться, да и привычка быть настороже не добавляет покоя. Профессия обязывает...

Она прислушивается. Никаких звуков. Никто не ерзает на сиденье, не возится с багажом, не открывает дверь.

Она обводит взглядом пустующие места, серые перегородки, проход, туманные стекла... вздыхает, закрывает глаза. Вдруг все-таки получится вздремнуть?

* * *

Красный поезд появляется из туннеля, как язык изо рта, на фоне ледяного пейзажа. Серовато-синяя ночь, непроницаемая чернота туннеля, белый с голубизной снег, серый лед. И вдруг – молнией – ярко-красный состав, напоминающий кровавый прибой, готовый затопить перрон.

Финсе⁴. Самая высокая точка на линии – 1222 метра над уровнем моря.

Вокзальчик в снежно-ледяном плену, на крыше пуховая перина. Три человека – женщина и молодая пара – прохаживаются под желтыми фонарями по платформе, больше похожей на участок лыжной беговой дистанции.

¹ Гейло – один из самых известных и популярных норвежских горнолыжных курортов, расположен посередине пути между Осло и Бергеном. Первые горнолыжные соревнования в Норвегии были проведены именно здесь, в 1935 г. Снег тут лежит практически круглый год. – *Здесь и далее прим. пер.*

² Станции на железнодорожной линии Осло – Берген.

³ Устаосет – деревня в муниципалитете Хол, Норвегия, – впервые заняла видное место в 1909 г. с открытием железнодорожной линии между Осло и Бергеном; является финишем в ежегодном лыжном марафоне Скарвереннет (38 км свободным стилем).

⁴ Станция на железнодорожной линии Осло – Берген, следующая после Гейло.

Кирстен отодвинулась от окна, и снаружи все снова погрузилось во тьму. Она услышала, как *вдохнула* раздвижная дверь, и уловила какое-то движение в самом конце прохода. Женщина. Лет сорок. *Моя ровесница*... Кирстен вернулась к чтению. Ей все-таки удалось поспать. Не больше часа, но и на том спасибо – из Осло она стартовала четыре часа назад. Кирстен предпочла бы самолет или – на худой конец – спальный вагон, но начальство решило сэкономить, и вот он, ночной поезд, сидячие места... Экономия бюджета, ничего не поделаешь. Она решила проглядеть свои заметки и достала планшет. Итак. В Бергене, в Мариакирхен ⁵, найдено тело. Мертвая – убитая – женщина лежала на алтаре среди предметов культа. Аминь.

– Извини...

Она подняла глаза. Ей улыбалась вошедшая в Финсе женщина.

– Не возражаешь ⁶, если я сяду напротив тебя? Обещаю не мешать. Мне всегда не по себе в ночных поездах, а этот к тому же совсем пустой...

Кирстен, конечно, возражала, но коротко улыбнулась и сказала:

– Садись, пожалуйста. Едешь до Бергена?

– Д-да... Ты тоже?

Она перечитала свои заметки. Сотрудник, звонивший из Бергена, был немногословен. Каспер Стрэнд. Интересно, он и в расследованиях такой же верхогляд? По его сведениям, бездомный, проходивший вечером мимо Мариакирхен, услышал крик и дал деру, но ему не повезло – напоролся на патруль.

Куда намылился, братец?

Рассказ о *жутком вопле там внутри* констеблей нисколько не впечатлил (по тону Стрэнда и некоторым туманным намекам она поняла, что бродягу знают как облупленного), но на улице было холодно и мокро, ребята скучали – и сочли, что даже в ледяном нефе будет уютнее, чем *под ветром и дождем, пришедшими с моря*. (Да, да, именно так выразился ее бергенский коллега. *Надо же, поэт в рядах полиции*...)

Она не стала смотреть присланное ей видео из церкви. Из-за женщины, устроившейся напротив. Кирстен вздохнула. Она надеялась, что попутчица вздремнет, но та была бодра и весела, как утренняя пташка. Кирстен бросила на нее взгляд из-под ресниц и поймала ответный. Незнакомка улыбнулась – то ли дружески, то ли насмешливо – и спросила:

– Работаешь в полиции?

Кирстен с трудом сдержала раздражение. В углу экрана красовались лев, корона и слово *ПОЛИЦИЯ*, так что ясновидение тут ни при чем. Она посмотрела на женщину – не враждебно, но и без особой симпатии, а уж улыбнулась тонкими губами совсем неласково. В комиссариате Осло никто не назвал бы Кирстен Нигаард *приятным человеком*.

– Да.

– Не будет нескромностью спросить, в каком управлении?

«Будет, будет, конечно, будет!» – раздражилась Кирстен, но решила ответить:

– В *Крито* ⁷.

– Понимаю... ну... нет... не понимаю... Особая профессия, верно?

– Можно сказать и так.

– И ты едешь в Берген из-за...

Кирстен молчала, не собираясь помогать нахалке вести беседу.

– Из-за... ну ты понимаешь... Из-за *преступления*, так ведь?

⁵ Церковь Пресвятой Девы Марии – самое старое строение в Бергене, расположено в глубине комплекса зданий Ганзейской набережной Брюгген. Храм был возведен в XII в. Из 12 церквей и трех монастырей, существовавших в то время, он единственный дошел до наших дней в первозданном виде.

⁶ Норвежцы обращаются на «ты» даже к незнакомым людям.

⁷ Национальная служба уголовного розыска Норвегии (криминальная полиция). Занимается борьбой с организованной преступностью и иными тяжкими преступлениями.

– Да.

Сухой тон. Женщина прикусила губу, покачала головой, поняв, что вторглась в запретную зону.

– Прости, вечно я лезу не в свое дело...

Она потянулась к сумке.

– У меня полный термос кофе. Хочешь?

Кирстен колебалась, но все-таки согласилась.

– Наливай.

– Ночь будет долгой. Я – Хельга.

– Кирстен.

* * *

– Значит, живешь одна и сейчас у тебя никого нет?

Кирстен внезапно поняла, что слишком расслабилась и наболтала много лишнего. Эта женщина – та еще ловкачка, если сумела *сделать* профессионального дознавателя! Даже в самых банальных межличностных отношениях безотказно работает правило: хочешь *узнать правду* – *слушай внимательно и изображай неподдельный интерес*. Хельга была бы незаменима в работе со свидетелями; многие в Кристо уступают этой тетке в искусстве допроса! Забавно... Впрочем, сейчас Кирстен было не до смеха, поведение случайной попутчицы начало действовать ей на нервы.

– Попробую поспать... – сказала она, – у меня завтра трудный день. Не завтра – уже сегодня. – Посмотрела на часы. – До Бергена два часа, нужно отдохнуть.

Выражение лица случайной попутчицы сделалось странным. Она кивнула:

– Конечно. Раз ты так хочешь...

Сухость тона привела Кирстен в замешательство. Изначально она что-то пропустила в этой женщине, а теперь вот *вылезло*: Хельга не любит, когда ее *глядят против шерсти*, легко заводится, у нее манихейское видение мира. *Жаждет внимания и склонна добиваться его любым способом*.

Кирстен постаралась вспомнить, как преподаватели Высшей полицейской школы советовали общаться с подобными свидетелями или подозреваемыми, и закрыла глаза, надеясь положить конец общению.

– Извини...

Кирстен подняла веки.

– Извини, что потревожила, – повторила Хельга. – Я пересяду. – Она шмыгнула носом, одарила Кирстен сочувствующей улыбочкой. У нее вдруг расширились зрачки. – Вряд ли у тебя много друзей.

– О чем ты, не понимаю...

– О твоём мерзком характере. Об умении спроваживать людей. О высокомерии. Неудивительно, что ты одинока.

Кирстен напряглась. Открыла рот, собираясь отбрызнуть мерзавку, но та вскочила, сдернула с полки саквояж.

– Приношу извинения за доставленные неудобства! – рявкнула она и пошла прочь.

«Ну и отлично, – подумала Кирстен. – Найди себе другую мишень...»

* * *

Она задремала. Ей снился сон. Вкрадчивый язвительный голос шипел в ухо: *сволочь, дрянь*. Кирстен вздрогнула, открыла глаза и едва не подскочила, обнаружив Хельгу в соседнем

кресле. Она придвинулась совсем близко и изучала лицо Кирстен, как биолог – амёбу в микроскоп.

– Чего тебе?

Хельга на самом деле это сказала? Дрянь. Я услышала слово наяву или во сне?

– Хотела пожелать: да пошла ты!..

Гнев, подобный черной грозовой туче, рвался на свободу.

– Что ты сейчас сказала?

* * *

В 07:01 поезд втянулся в вокзал Бергена. «Десятиминутная задержка – ничто для Норвежских государственных железных дорог», – думал Каспер Стрэнд, вышагивая туда-сюда по перрону. Темнота окутала мир. В такую хмурую погоду беспросветный мрак будет властвовать над городом до девяти утра.

Она сошла с подножки, подняла голову – и сразу вычислила коллегу среди немногочисленных встречающих.

* * *

Легавый. Они встретились взглядами, и Стрэнд увидел себя ее глазами: полицейский увалень, лысый, подбородок плохо выбрит, заметное брюшко (старомодная кожаная куртка слишком обтягивает фигуру из-за пистолета в кобуре под мышкой).

Он пошел к ней, стараясь не слишком пялиться на ноги столичной штучки. Одета она... необычно. Под пальто, коротковатом для зимы, но с меховым капюшоном, на даме был строгий костюм, колготки телесного цвета и ботильоны на шпильке. Может, этой осенью в Осло такая мода? Стрэнд представил, как она в таком вот *протокольном* виде выходит из конференц-зала в «Рэдиссон Плаза», что возле Центрального вокзала или здания «ДнБ Нор Банк»⁸. Но хороша, что есть, то есть. Между сорока и пятьюдесятью.

– Кирстен Нигаард?

– Да.

Она расслабленным жестом подала ему руку, и он едва решился пожать ее: в перчатке словно не было ничего, кроме воздуха.

– Каспер Стрэнд, полиция Бергена, – представился он. – Добро пожаловать.

– Спасибо.

– Не слишком долго ехала?

– Терпимо.

– Поспать удалось?

– Скорее нет.

– Ладно, пошли. – Каспер протянул красную ручищу к сумке, но Кирстен знаком дала понять, что справится сама. – В комиссариате тебя ждет кофе. А еще хлеб, колбаса, ветчина, соки и брюнуст⁹. Заправимся и начнем работать.

– Я бы сначала взглянула на место преступления. Кажется, это совсем рядом? – спросила Кирстен, когда они вошли под перронную крышу-фонарь.

Бергенский сыщик решил, что ослышался, приподнял бровь и почесал в трехдневной щетине.

⁸ «ДнБ Нор Банк» (DnB NOR ASA) – название крупнейшей финансовой группы в Норвегии.

⁹ Брюнуст – особый сорт сыра, производимый в Норвегии. Имеет коричневый цвет и сладковатый вкус.

– Прямо сейчас?

– Если можно.

Каспер попытался скрыть раздражение, но был не силен в притворстве, и столичная гостя улыбнулась. В этой улыбке не было теплоты, и предназначалась она не ему – Кирстен просто получила подтверждение своему первому впечатлению о коллеге (а оно, как известно, самое верное).

Черт бы побрал эту стерву!

Леса и огромный брезентовый чехол скрывали большую световую рекламу во славу «Бергенс тиденде». Главная ежедневная газета Западной Норвегии наверняка даст материал об убийстве в церкви на первой полосе. Они повернули направо, прошли мимо магазина «Дели де Лука»¹⁰ и оказались под продуваемым всеми ветрами навесом над стоянкой такси. В очереди стояли человек шесть, машин – как всегда – не было ни одной. Люди мокли под косым дождем, но не роптали. Каспер оставил свой «Сааб 9–3» на другой стороне улицы, прямо на мостовой, и Кирстен подумала, что в этих скверах, площадях и более чем обычных зданиях есть нечто невыносимо провинциальное. В том смысле, какой вкладывают в это слово столичные жители.

Каспер ужасно хотел есть – он вместе с группой провел всю ночь на месте преступления на Ганзейской набережной Брюггена.

Кирстен села рядом с ним в машину; темное пальто распахнулось, юбка поднялась, явив восхищенному взгляду мужчины красивые круглые колени. Непокорные белокурые волосы, разделенные косым пробором, падали на воротник пальто.

В блондинистости женщины не было ничего натурального: Каспер заметил и темные корни, и выщипанные в ниточку брови. Глаза ярко-голубого цвета смотрели вызывающе, прямой нос мог показаться слегка длинноватым, тонкие губы были красиво очерчены, а родинка на подбородке было *плохо отцентрирована*.

Эта женщина решительно настроена контролировать всё и вся.

Они были знакомы десять минут, но Каспер вдруг подумал, что не пожелал бы себе такого напарника: ноги, конечно, классные, а вот характер – не приведи господь! Вряд ли он сумел бы долго выносить ее характер и... сдерживать эротические фантазии.

¹⁰ «Дели де Лука» – норвежская сеть гастрономов и магазинов деликатесов, основанная в 2003 г.

Кирстен

1. Мариакирхен

Неф был едва освещен. Кирстен удивилась, что бергенские коллеги оставили гореть свечи рядом с местом преступления, огороженным оранжевой лентой, запрещающей проход в алтарь и на хоры.

Запах теплого воска щекотал ноздри. Она вытащила из кармана плоскую металлическую коробочку с тремя заранее свернутыми короткими самокрутками и щелкнула зажигалкой.

– Здесь нельзя курить, – сказал Каспер Стрэнд.

Она молча улыбнулась, сделала затяжку, обвела взглядом неф и задержалась на алтаре. Труп уже увезли. Вместе с епитрахилью, на которую наверняка попала кровь, много крови.

Кирстен с детства не была на службе, но помнила, что, выходя к алтарю, священник склонял голову и целовал его. Проведя службу, он делал это еще раз, прежде чем покинуть церковь.

Она закрыла глаза, помассировала веки, мысленно помянула недобрым словом назойливую бабу из поезда, сильно затянулась и посмотрела на алтарь. Фонтан артериальной крови не попал на большое распятие, но забрызгал Богоматерь, Младенца и дарохранительницу. Кирстен различала на позолоте и бесстрастном лице Марии мелкую россыпь красно-коричневых пятен и длинные черные потеки. Расстояние, которое преодолел *кровавый гейзер*, составляло около трех метров.

Викинги сжигали своих мертвых по ночам в погребальных ладьях, Локи – бог огня и плутовства; Иисус бок о бок с Одином и Тором; христиане, силой обращавшие языческие народы Севера, отрубавшие руки-ноги, ослепляющие, калечащие; князья-викинги, сменившие веру из сугубо политических интересов. Конец цивилизации. Вот о чем она думала в тишине оскверненной церкви.

Город все еще спал под дождем. Спал порт. А в порту, у причала перед деревянными домами квартала Брюгген, спал огромный сухогруз, ошестинившийся антеннами и кранами, серый, как военный корабль. Может, призвать на помощь гения места? ¹¹ Прошлое церкви восходит к гораздо более ранним временам, чем те, что прослеживаются в Осло, – здесь нет ни Национального театра, ни Королевского дворца, ни Нобелевской премии мира, ни парка Вигеланд. Начало XII века. Здесь всегда присутствовала дикость древнейших времен. У каждого признака цивилизации есть признак варварства; каждый свет борется с ночью; каждая дверь, за которой горит очаг, скрывает дверь, что прячется во тьме.

* * *

Ей исполнилось десять лет, когда они с сестрой впервые приехали на зимние каникулы к деду, в городок Хелл близ Тронхейма. Кирстен обожала своего дедушку: он был жутко умный, знал кучу смешных историй и любил качать внушек на коленях. В тот вечер дед попросил девочек накормить Хеймдалля ¹², старонемецкую пастушью собаку, ночевавшую в риге. Холод стоял такой, что кровь замерзала в жилах, но Кирстен покинула теплый дом и вышла в ледяную ночь. Снег скрипел под меховыми сапожками, ее тень в лунном свете напоминала огром-

¹¹ Гений места, дух места, гений локуса (калька лат. *genius loci*) – дух-покровитель того или иного конкретного места (деревни, горы, отдельного дерева).

¹² Хеймдалль – в германо-скандинавской мифологии бог из рода асов, страж богов и Мирового древа.

ную бабочку. Темная рига выглядела таинственным и опасным местом, и Кирстен стало не по себе. Дед поступил жестоко, послав ее туда среди ночи. Хеймдалль встретил девочку радостным лаем. Он натягивал цепь, подпрыгивал от нетерпения, а когда она его погладила, облизал ей лицо. Кирстен прижалась к горячему телу, зарылась лицом в пахучую шерсть и подумала: «Неправильно оставлять друга спать на морозе». А потом услышала тявканье... Такое тихое, что девочка не обратила бы внимания, если б, по счастливой случайности, Хеймдалль не умолк в этот самый момент. Звук доносился снаружи, и она испугалась. Буйное детское воображение нарисовало ей жуткое создание, которое зовет жалобным голоском, чтобы выманить ее наружу и напасть. Но она все-таки вышла. И скорее угадала, чем увидела слева от себя, в углу между сараем и навесом, прутья клетки. Кирстен подошла ближе. Сердце ее колотилось как безумное, ощущение тревоги росло, визгливый лай теперь напоминал крик зайца-подранка. У нее появилось дурное предчувствие. Еще шесть шагов по снегу – и ее пальцы нащупали прутья; она осторожно заглянула и увидела в глубине, у бетонной стенки, темный силуэт. Молодой песик, едва-едва вышедший из щенячьего возраста. Маленькая дворняжка с вытянутой мордочкой, длинными ушами и короткой жесткой шерстью. Ее голова почти касалась стены, потому что ошейник был продет в кольцо. Она сильно дрожала, сидя на заснеженной траве, и смотрела на девочку.

Кирстен до сих пор помнит молящий взгляд песика. Он говорил: «Помоги мне!» Ничего печальней этого зрелища она никогда не видела, и ее молодое здоровое сердце разбилось на тысячу и один кусок. Щенок выбился из сил и перестал лаять – только издавал слабые душераздирающие стоны и часто моргал от усталости. Она ухватила за обледеневшие прутья. Могла бы – сломала бы дверцу, подхватила пленника на руки и побежала вместе с ним на ферму. И Кирстен помчалась что было сил, спотыкаясь от боли и отчаяния, влетела в дом и принялась умолять. Дед был непреклонен. Впервые он не уступил капризу внучки. *Это бродячий пес, дворняга без хозяина, и он должен быть наказан за то, что украл мясо!* Кирстен знала, что малыш умрет на рассвете, если она ничего не добьется, представляла, как ему одиноко, и плакала, кричала, вопила. Ее сестра ничего не понимала, но тоже заревела; бабушка попыталась их успокоить, но дед бросил на Кирстен суровый взгляд, и она на мгновение почувствовала себя пленницей в строгом ошейнике.

– Посади и меня в клетку! – орала Кирстен. – Пусть я тоже там буду!

– Да ты рехнулась! – возмутился дед.

Она вспомнила этот эпизод, узнав из газет, что норвежское государство создало первую в мире полицейскую службу по борьбе с жестоким обращением с животными.

Скоро после дед умирал в больнице. В один из последних дней она улучила момент, когда сестра и остальные родственники спустились в кафетерий, и склонилась над стариком, чтобы прошептать ему на ухо несколько слов.

– Пропади ты пропадом, отправляйся в ад, старая сволочь...

Кирстен надеялась, что он успел вспомнить и понять.

Она обвела взглядом кафедру, алтарь, большое распятие, фрески и вспомнила, что даже Агнес Гонджа Бояджиу, больше известная миру как мать Тереза, провела большую часть жизни в бездонной ночи веры, писала о *туннеле*, о *чудовищной темноте*, как будто *внутри все умерло*. Сколько еще верующих живут во тьме и движутся по духовной пустыне, секрет которой известен им одним?

– У тебя всё в порядке? – поинтересовался Стрэнд.

– Да.

Она достала планшет и вывела на экран видеоматериалы, снятые бергенскими коллегами. *Ессе homo. Се человек.*

1. На алтаре лежит женщина; спина выгнута, как при оргазме или от удара током.

2. Голова закинута в пустоту, рот открыт, язык высунут, будто она ждет просфору.

3. На размытом крупном плане видно, что лицо у жертвы в крови и синяках, избитое, почти все кости – носовая, скуловые, решетчатая, обе челюстные – раздроблены; углубление в центре лобной кости, глубокое и ортоскопическое, напоминает желобок или бороздку, нанесенную тупым удлиненным предметом, предположительно – обрезком металлической трубы.

4. Одежда местами разорвана, правая кроссовка отсутствует, на ноге белый шерстяной носок, грязный на пятке.

Кирстен старательно запоминала каждую деталь. Сцена, исполненная животной правды. Правды человечества. Двести тысяч лет варварства и надежды на гипотетический загробный мир, где люди якобы становятся лучше.

Судя по первому впечатлению, женщину забили насмерть. Сначала пустили в ход железную трубу – проломили грудную клетку и размозжили череп, – потом использовали *монстранцию*¹³. Окровавленная дароносица лежала рядом с телом на алтаре, и эксперты зафиксировали особый характер нанесенных ран: лучи делают монстранцию похожей на солнце. Эти самые лучи-мечи-ножи оставили глубокие порезы на лице и руках неизвестной. Потом ей перерезали горло, и кровь попала на дарохранительницу – до того, как остановилось сердце. Кирстен попыталась сконцентрироваться. Одна деталь в картине преступления была важнее всех остальных, вместе взятых.

Кроссовка «Норт Фейс», черная с белым. Ее нашли метрах в двух от алтаря. Почему?

– Документы при ней были?

– Да. Ее зовут Ингер Паульсен. В центральном архиве уголовных преступлений на нее ничего нет.

– Возраст?

– Тридцать восемь лет.

– Замужем? Дети есть?

– На оба вопроса ответ отрицательный.

Кирстен посмотрела на Каспера. Обручального кольца на пальце нет. Но он может снимать его, когда работает. А держится как женатик. Она подошла чуть ближе: была дистанция личная – стала интимная, меньше полуметра, и он напрягся.

– Вы выяснили, чем она занималась?

– Работала на нефтяной платформе в Северном море. И вот еще что: уровень алкоголя в крови зашкаливает. Она пьющая дамочка...

Кирстен наизусть знала статистику. Число преступлений против личности – убийств – в Норвегии заметно ниже, чем в Швеции, в полтора раза ниже, чем во Франции, почти вдвое ниже, чем в Великобритании, и аж в семь раз ниже, чем в Штатах. Но даже в Норвегии, которая, по данным ООН, в числе стран с самым высоким уровнем человеческого развития, насилие коррелируется с образовательным цензом: всего 34 % убийц – безработные, 89 % – мужчины и 46 % совершили деликт в состоянии алкогольного опьянения. Таким образом, есть существенная вероятность, что убийца – мужчина, и один шанс из двух, что он был сильно пьян. Вполне вероятно и другое: убил кто-то из близких – супруг, друг, любовник, коллега...

Ладно, забудь, иначе совершишь ошибку начинающего сыщика, которого всегда ослепляют статистические выкладки!

– О чем задумался? – спросила Кирстен, выдохнув дым в лицо Касперу.

– А ты?

Она улыбнулась. Ответила, поразмыслив:

¹³ Монстранция – в католической церкви разновидность дароносицы.

– Ссора. Тайное свидание и ссора, которая плохо закончилась. Взгляни на одежду – воротник блузки почти оторван. И главное – отлетевшая с ноги кроссовка. Они дрались, она проиграла и была убита. *Живую картину* преступник организовал, чтобы потрафить низменным вкусам публики.

Кирстен сняла с губы табачную крошку.

– А что они делали в церкви, как думаешь? Разве дверь на ночь не запирают?

– Запирают. Значит, один из участников *представления* разжился дубликатом ключей, – предположил Каспер. – Есть и еще кое-что.

Он знаком позвал ее за собой. Кирстен стряхнула пепел с пальто, зябко поежилась, застегнулась и последовала за коллегой. Они вышли через боковую дверь, и Каспер указал на следы. Снег в этом году выпал раньше обычного, и дождь уже растворял его остатки. Кирстен заметила отпечатки подошв на тропинке, проложенной экспертами между надгробными плитами: туда шли двое, обратно – один человек.

– Убийца направлялся в церковь за жертвой, – констатировал Каспер, угадав ее мысли.

Они встретились где-то в другом месте или назначили свидание у храма? Грабители, не поделившие добычу? Наркоман и дилер? Священник? Любовники, решившие «пошалить» в церкви?

– Эта Паульсен – практикующая христианка?

– Понятия не имею.

– На какой платформе она работала?

Каспер сообщил Кирстен название. Она затушила сигарету об стену, оставив на камне черный след, но окурочек на землю не бросила. Взглянула на освещенные окна в здании напротив. Девять утра, а на улице по-прежнему темно. Под дождем блестели типичные для квартала Брюгген деревянные дома XVIII века. Сильный ветер разбивал свет фонарей на искры, швырял морось на волосы Кирстен.

– Думаю, соседей вы опросили?

– Результат нулевой, – сообщил Каспер. – Никто ничего не видел. Кроме бродяг. Естественно...

Он закрыл дверь церкви на ключ, и они вернулись к машине, выйдя через калитку.

– А что епископ?

– Его преосвященство вытащили из постели, и он как раз сейчас отвечает на вопросы.

Кирстен вспомнила обрезок трубы, который принес с собой убийца, и у нее появилась идея.

– А что, если наоборот?

Каспер повернул ключ в зажигании и вопросительно дернул подбородком.

– Вдруг первым пришел убийца?

– Ловушка? – Он нахмурился.

Кирстен молча посмотрела на него.

* * *

Полицейский участок, Берген, Хордаланд. Шеф полиции Биргит Стрём изучала Кирстен маленькими, глубоко посаженными глазками. Широкое и плоское, как у рыбы мероу ¹⁴, лицо оставалось бесстрастным; губы, больше похожие на лезвие ножа, категорически отказывались изгибаться.

¹⁴ Каменный окунь.

– Ссора? – Голос напоминал скрежет ржавого рашпиля по железу. («Слишком много курит...» – подумала Кирстен.) – Но если умысла не было, зачем убийца принес в церковь обрезок трубы?

– Скорее всего, умысел имел место, – ответила Кирстен. – Но Паульсен сопротивлялась. У нее на ладонях порезы от монстранции. Они дрались, и в какой-то момент Паульсен потеряла одну кроссовку.

Глаза Рыбины коротко сверкнули. Она посмотрела на Каспера, перевела взгляд на Кирстен.

– Ладно. В таком случае как ты объяснишь, что в кармане убитой мы нашли вот это?

Биргит Стрём откинулась назад и выудила из-за спины прозрачный файл (до времени скрытый ее внушительным задом). Движение всколыхнуло не менее впечатляющий бюст. Каспер и другие офицеры из группы расследования проследили за ней глазами, как за Сереной Уильямс, подающей на матч ¹⁵.

Кирстен знала, *что* лежит в файле. Потому-то они и вызвали ее из Осло. А в здание провели, минуя главный вход на улице Всех святых, через узкую бронированную дверь с кодовым замком на улице Хальфдана Хьерульфа, словно хотели скрыть присутствие гостыи. Клочок бумаги. Надпись сделана от руки. Крупными буквами. Каспер просветил Кирстен вчера, позвонив в Крипо меньше чем через час после обнаружения тела. Так что сюрприза не получилось – она знает.

На листке были написаны ее имя и фамилия.

КИРСТЕН НИГААРД

¹⁵ Серена Уильямс (р. 1981) – выдающаяся американская теннисистка.

2. 83 души

Вертолет летел поперек шквалистого ветра, движимый двумя мощными турбинами «Турбомека». В полумраке кабины Кирстен упиралась взглядом в затылки двух пилотов в шлемофонах.

Сегодня вечером им понадобятся все их таланты, профессиональная выучка и выдержка. Буря разразилась нешуточная. Так говорила себе Кирстен, облаченная в спасательный жилет. Она сидела сзади и как замороженная смотрела на единственные «дворники», едва справлявшиеся с пощечинами дождя по стеклу кабины. За бортом царилась ночь. Кирстен помнила, что последняя авария с вертолетом, обслуживающим платформы в открытом море, имела место в 2013 году. «Супер Пума U2». Восемнадцать человек на борту. *Четверо погибли*. До этого, в 2009-м, у берегов Шотландии рухнула «Пума AS332». *Шестнадцать погибли*. В 2012-м – две аварии без человеческих жертв.

Несколько последних дней погода стояла такая, что больше двух тысяч человек, работавших на платформе и курсирующих между Ставангером, Бергенем и Флорё, были *прикованы* к земле. Этим вечером дали разрешение на вылет, но условия оставались критическими.

Кирстен посмотрела на Каспера (он сидел справа, с приоткрытым ртом и мутными глазами), перевела взгляд на ветровое стекло и наконец-то увидела *ее*. Платформа вынырнула из мрака метрах в двадцати над поверхностью невидимого океана, похожая на космический корабль.

Широта: 56,07817.

Долгота: 4,2032167.

От побережья: 250 километров.

Одиночество и оторванность от мира...

Внизу темнота была непроглядной, и Кирстен, как ни старалась, не могла разглядеть высокие стальные опоры, принимавшие на себя удары беснующейся волны. Дна они касались на глубине ста сорока шести метров – высота *сорокавосьмизатжной* башни, с той лишь разницей, что место надежного здания занимали четыре металлических *ноги*, казавшиеся очень хрупкими. Вокруг ревел и грохотал океан, а они крепко держали плавающий город...

Чем ближе подлетал вертолет, тем больше платформа «Статойл» напоминала шаткое хаотичное нагромождение разнородных частей. Между мостиками, переходами, лестницами, кранами, контейнерами, километрами кабелей, трубами, загородками, буровыми вышками и шестью этажами жилых кварталов, составленных из модулей «Алжеко»¹⁶, не было ни одного свободного квадратного сантиметра поверхности. Все это *богатство* ярко освещалось, образуя в некоторых местах чередование видимых и невидимых участков.

Жесточайший порыв ветра сбил железную *стрекозу* с курса.

«Чертова ночь!» – выругалась про себя Кирстен.

На платформе сосуществовали люди тридцати национальностей: поляки, шотландцы, норвежцы, русские, хорваты, латыши, французы... и иже с ними. Девяносто семь мужчин и двадцать три женщины, поделенные на бригады. Неделю – ночная смена, неделю – дневная, по двенадцать часов в течение месяца. А через четыре недели – ура! – двадцать восемь дней отпуска.

Некоторые улетали в Австралию гонять по волнам на доске, другие катались на лыжах в Альпах; многие возвращались к семьям; разведенные веселились на полную катушку, ударялись в загул, проматывая большую часть заработанных денег, или искали в Таиланде новую

¹⁶ «Алжеко» – мировой лидер по производству и предоставлению в аренду модульных зданий и сооружений. Предоставляет услуги по организации строительных площадок «под ключ».

подружку, только-только вошедшую в «дозволенный» возраст. Таковы преимущества профессии: хорошие деньги, много свободного времени и возможность путешествовать, накапливая бонусные мили. Но... Куда девать стресс, проблемы психического здоровья и конфликты, неизбежно частые на борту? «Впрочем, руководство не обременяет себя подобными проблемами, – рассудила Кирстен. – На платформе, без сомнения, хватает сумасбродов, отчаянных типов, полубезумных сорвиголов и личностей типа А¹⁷. Интересно, Каспер уже отнес ее к одной из категорий? *Занудой он тебя точно считает*. А сам – этакий большой плюшевый мишка типа В¹⁸: не карьерист, не агрессивный, толерантный... И спокойный, слишком спокойный. Но этой ночью всё иначе: покинув земную твердь, он наконец расстался со своим идиотским добродушно-снисходительным видом и стал похож на перепуганного мальчугана».

Тридцать метров до воды. Зона приземления (или уместнее будет сказать – приводнения?) представляла собой плохо освещенный шестиугольник, покрытый натянутой сеткой, с большой буквой *H* в центре. Все вместе зависало над пустотой, на краю платформы. Металлическая лестница вела в рубку. Каспер не спускал глаз с буквы *H*, мечущейся в ночи в такт бешеной пляске вертолета, как движущаяся мишень в видеоигре. Кирстен на секунду показала, что Стрэнд от ужаса сейчас уронит глаза на пол...

Она заметила пламя факела, горящего на верхушке буровой установки; заветный шестиугольник приблизился. «Вертушка» крутанулась, и посадочная полоса на миг исчезла из поля их зрения. Потом коснулась посадочной площадки, осуществив последнее рыскание¹⁹, и Кирстен показалось, что Каспер икает. «Да уж, – подумала она, – пилот у нас просто ас!»

Как только они выбрались на платформу, ледяной дождь набросился на их лица, как разъяренный пчелиный рой. Ветер завывал и дул с такой силой, что Кирстен вдруг испугалась – не оказаться бы за бортом! Она сделала шаг, другой, зацепилась каблуком за сетку и едва не упала. Темноту вокруг рассеивали неоновые лампы, горевшие на уровне пола. Из ниоткуда вынырнул мужчина в каске и больших наушниках и схватил ее за руку.

– Не становись против ветра! – крикнул он, крутанув ее, как волчок. – НЕ СТАНОВИСЬ ПРОТИВ ВЕТРА!

Да поняла я, поняла, но откуда налетают порывы? Кирстен показалось, что буйный ветер дует сразу отовсюду. Мужчина подтолкнул ее к лестнице. Между ступенями виднелась пустота, и у Кирстен закружилась голова, стоило ей прикинуть, что от твердой поверхности их отделяют тридцать метров, а чуть ниже океанские волны разбиваются о сваи платформы и упрямо продолжают бег по Северному морю.

– Кошмар какой... – простонал у нее за спиной Каспер. Она обернулась, подняла глаза и увидела, как крепко он держится за ограждение.

Кирстен хотела было спуститься на следующую ступеньку, но не сумела. Невозможно. Ветер стоял стеной, дождь и град хлестали по щекам. Может, она по ошибке попала в аэродинамическую трубу, где проводят испытания авиационных двигателей?

– *Черт, черт, черт!* – промычала Кирстен, униженная, но неспособная сделать даже маленький шаг вперед.

Две руки придали ей ускорение, толкнув в спину, и она преодолела препятствие, ступенька за ступенькой.

¹⁷ Личность типа А – темперамент, характеризующийся чрезмерным влечением к соперничеству, нереалистичским ощущением безотлагательности какой-либо потребности, неадекватными амбициями, нежеланием давать себе объективную самооценку, тенденциями подчеркивать значимость количества продукции и недооценивать ее качество, повышенной потребностью контролировать происходящее и поведение окружающих. Некоторые исследователи психосоматического направления указывают на склонность к коронарным заболеваниям.

¹⁸ Личность типа В – темперамент, характеризующийся расслабленным, спокойным отношением к жизни, преимущественным сосредоточением на качестве, а не на количестве, низким духом соперничества и тенденцией к саморефлексии. Поведение типа В, по существу, противоположно типу А.

¹⁹ Рыскание – угловые движения летательного аппарата относительно вертикальной оси.

Капитан платформы, высокий бородач лет сорока, ждал их внизу вместе с парнем, потрясавшим оранжевыми куртками со светоотражающими полосками.

– Всё нормально? – поинтересовался он.

– Приветствую, капитан. Я – Кирстен Нигаард, офицер Крипо, а это Каспер Стрэнд из криминальной полиции графства, – сказала она протягивая руку.

– Йеспер Нильсен. И я не капитан, а супервайзер. Надевайте, здесь это обязательно!

Властный тон, высокомерный взгляд. Кирстен взяла тяжелую, явно неудобную куртку – и утонула в ней.

– Где капитан?

– Занят! – Нильсен повысил голос, перекрикивая шум, и махнул рукой, приглашая их идти следом. – У нас здесь все равно что в улье – работа никогда не останавливается! Учитывая суточную стоимость содержания платформы, время тут бесценно!

Кирстен отбросило на поручни, согнуло пополам, дождь слепил глаза, но она упрямо шла за провожатым. Они повернули направо, потом налево, снова направо, спустились на несколько ступенек, прошли по мостику с металлическим решетчатым полом, свернули за большим контейнером, который на миг укрыл их от ветра. Мимо туда-сюда сновали люди в касках и защитных очках. Кирстен подняла голову. Всё на платформе было вертикальным, головокружительным, враждебным. Лабиринт из неона и стали, испытываемый на прочность штормами Северного моря. Повсюду запрещающие таблички: *НЕ КУРИТЬ*, *НЕ СНИМАТЬ КАСКУ*, *НЕ СВИСТЕТЬ* (возможно, потому, что, несмотря на шум, любой непривычный звук мог быть признаком опасности и, следовательно, важной информацией), *НЕ ЗАСТУПАТЬ*. Все вибрировало, грохотало, ревело и выло: трубы ударялись друг о друга, машины *разговаривали*, море билось о платформу. Направо, налево, направо... Наконец-то дверь. На последнем издыхании они ввалились в своего рода шлюзовую камеру с лавками и шкафчиками. Супервайзер открыл один из них. Снял каску, перчатки и страховочные ботинки.

– Безопасность у нас – дело всех и каждого, – пояснил он. – Несчастные случаи происходят нечасто, но бывают тяжелыми. Платформу подкарауливают самые разные риски. Сейчас на буровой площадке идет сварка – потребовался срочный ремонт. Мы называем это *горячей работой*. Деликатная фаза, которую нельзя отсрочивать. Не хочу, чтобы вы в такой момент вертелись у нас под ногами, поэтому будете в точности исполнять всё, что я скажу, – добавил он непререкаемым тоном.

– Конечно, – миролюбиво согласилась Кирстен. – Мы подчинимся, если получим полный доступ во все помещения.

– Не думаю, что получится.

– Э-э-э... Йеспер, верно? Мы расследуем преступление, жертва – одна из ваших...

– Вы меня не поняли. – Он перебил ее, не подумав извиниться. – Мой приоритет – безопасность. Не ваше расследование. Я ясно выразился?

Кирстен вытерла лицо и заметила, что Каспер упрямо набычился. Он тоже разгадал нехитрую тактику супервайзера и недоступного капитана: они, как коты, давно поместили *свою* территорию. Стратегию поддержали «шишки» компании: хозяева на борту – *они*, следовательно, норвежская полиция сможет действовать в обозначенном *ими* периметре и определенных *ими же* условиях. Кирстен открыла было рот, но Каспер успел раньше:

– Ваш капитан когда-нибудь спит?

Бородатый забияка посмотрел на него как на слабоумного.

– Конечно.

– Значит, кто-то его заменяет?

– К чему ты ведешь?

– Я задал вопрос.

Тон был таким, что поежился не только супервайзер, но и Кирстен. «Не такой уж он тип В, этот Каспер Стрэнд!» – подумала она.

– Конечно.

Каспер вплотную подошел к мужчине, и тот вынужден был отступить, несмотря на преимущество в росте.

– К чему я веду? К чему я веду?! У вас есть помещение для собраний-заседаний?

Бородач кивнул, с опаской глядя на полицейского.

– Очень хорошо. Вот что ты сделаешь...

– Подождите, подождите, это какой-то бред, я ведь все объяснил... Вы должны будете...

– Заткнись!

Кирстен улыбнулась. Нильсен побагровел.

– Внимательно слушаешь? – поинтересовался Каспер.

Нильсен кивнул, сцепив зубы, глаза стали злыми.

– Вот и отлично. Сейчас ты проводишь нас в этот ваш зал. Потом к нам присоединятся твой капитан и весь руководящий состав платформы. Все, чья работа в этот час не является *жизненно важной*, ты меня хорошо понял, дружок? Я плевать хотел на вашу *фазу* – и *горячую*, и *холодную*. Это норвежская платформа, и власть здесь одна – Министерство юстиции Норвегии и национальная полиция Норвегии. Я достаточно ясно выражаюсь?

* * *

У капитана Торда Кристенсена имелась неприятная неосознанная привычка: всякий раз, когда его что-то раздражало, он зажимал пальцами нос. Присутствие на борту двух легавых его просто бесило. Людей в зал заседаний он вызвал сам – Нильсена, врача, многих бригадиров, не работавших в эту смену, брюнетку (если Кирстен правильно поняла – координатора техобслуживания) и блондинку (ее представили как супервайзера по технике безопасности).

– Больше суток назад Ингер Паульсен, работающая на этой платформе, была забита насмерть в церкви Брюггена, – начала Кирстен. – Нам выданы судебное распоряжение и ордер на проведение расследования, по которому весь персонал должен оказывать нам содействие.

– Хмм... Только при том условии, что ваши... разыскания не подвергнут опасности – тем или иным способом – наш персонал, – сухо заметила блондинка в белом свитере и голубом жилете. – В противном случае я лично вмешаюсь и положу этому конец.

«Решительно все на этой треклятой платформе меряются самолюбием, – подумала Кирстен. – Тестостерона из ее яйцеклеток хватило бы на полк Мистеров Вселенная!»

– У нас и в мыслях нет подвергать опасности кого бы то ни было, – дипломатично ответил Каспер. – Тех, кто не может оставить рабочее место, мы допросим позже.

– Ингер Паульсен ночевала в отдельной каюте? – поинтересовалась Кирстен.

– Нет. – Кристенсен покачал головой. – Техники-производственники живут в двухместных каютах – один человек из дневной смены, другой из ночной.

– У вас есть список сотрудников, которые вчера были на берегу?

– Да. Вы его получите.

– Все вернулись?

Капитан бросил вопросительный взгляд на супервайзера.

– Н-нет... – ответил тот. – Из-за погодных условий один вертолет не прилетел, так что семь человек отсутствуют, но, надеюсь, скоро будут здесь.

– А у тебя, доктор, есть пациенты с проблемным психиатрическим профилем? – задала очередной вопрос Кирстен.

– Врачебная тайна, – отозвался коротышка в круглых очках.

– Отменяется в случае уголовного расследования, – мгновенно отпарировала она.

– Будь это так, я немедленно потребовал бы освободить такого пациента от его служебных обязанностей.

– Ладно, спрошу иначе: пользуешь кого-нибудь с более легкими психологическими проблемами?

– Возможно.

– Это *да* или *нет*?

– Да.

– Мне нужен список.

– Не уверен, могу ли я...

– Бери ответственность на себя. Откажешь нам – посажу тебя под арест.

Кирстен нагло блефовала, но врач испугался.

– Сколько людей на борту сегодня вечером?

Капитан кивнул, указывая на то, что Кирстен приняла за часы с вращающимся табло. На черном фоне красовались большие белые цифры – число **83**. Внизу было написано по-английски: *Souls on platform* ²⁰.

– Требования безопасности, – пояснил капитан. – Необходимо в любой момент знать точное число сотрудников, присутствующих на борту.

– Сколько у вас женщин? – спросил Каспер.

– Всего двадцать три.

– А кают сколько?

– Пятьдесят двухместных плюс отдельные каюты капитана, супервайзеров, бригадиров и инженеров.

Кирстен задумалась.

– Как ты определяешь, где кто находится в данную минуту?

Слово взяла блондинка:

– Через зал контроля. Все работы на борту должны быть предварительно одобрены, поэтому люди, сидящие перед мониторами, всегда точно знают, где кто находится и чем занимается.

– Понятно. А те, кто свободен, что делают?

Кристенсен снисходительно улыбнулся.

– Ну, учитывая, который сейчас час, думаю, что спят.

– Хорошо. Разбудите их, прикажите выйти из кают и соберите всех в одном месте. Сначала мы обобщем жилье Ингер Паульсен, потом все остальные помещения.

– Вы шутите?!

– А похоже?

* * *

Покойная Ингер Паульсен делила маленькую девятиметровую *келью* с Перниллой Мадсен – сейчас та дежурила в центре управления. Двухъярусные койки были застелены голубыми простынями. На белых рундуках для белья стояли буквы *А* и *Б*. Висевшие на штангах шторы и два крошечных телевизора – под потолком для одной *жилишки*, в углу под верхней полкой для другой – создавали некоторый уют. На стене напротив двери – *окно в мир* – маленький иллюминатор. Дополняли картину несколько полок, стол с двумя ноутбуками и два стальных шкафа по бокам от входной двери.

– Обстановка может показаться спартанской, – в спину Кирстен прокомментировала блондинка, – но они проводят на борту всего пять месяцев из двенадцати и, если не работают,

²⁰ Души на платформе (англ.).

сидят в столовой или в кафетерии. У нас есть спутниковое телевидение – фильмы показывают на большом экране, три бильярдных стола, кинозал, гимнастический зал, библиотека, музыкальная комната и сауна.

Кирстен сняла куртку и повесила ее на стул – в каюте стояла африканская жара, особенно по сравнению с колючим холодом за бортом.

– Хуже всего приходится на Рождество и в Новый год, – добавила женщина. – Трудно быть вдалеке от своих...

Монотонная речь. Скрытая враждебность.

Кирстен проверила рундуки и ящики стола, посмотрела на полках. Женское белье, майки, джинсы, какие-то записи, детектив карманного формата с загнутыми углами, диски с видеоиграми... Ничего. Пустышка. Легкая вибрация передавалась по переборкам – двигатель? вентиляция? воздушный насос? Женщина говорила не закрывая рта, но Кирстен не слушала. Она отметила для себя, что одна койка застелена по-военному аккуратно, другую можно использовать в качестве наглядного пособия «здесь спит неряха».

Черт, как жарко. Просто пекло какое-то. Пот стекал из-под лифчика на спину и живот, голова грозила мигренью.

Каспер закончил со шкафами, знаком дал понять: пусто! Они вышли в длинный коридор.

– Ведите нас в каюты мужчин, находившихся на берегу в вечер убийства, – велела Кирстен.

Блондинка моргнула. Уничтожила *легавую суку* взглядом; язык ее тела кричал: «Задушу, гадина!» Затем повернулась на каблуках и пошла по толстой ковровой дорожке голубого цвета, заглушающей шум шагов, указывая то на одну, то на другую дверь. Кирстен кивнула на две ближайшие:

– Открывайте.

Каспер заглянул в первую каюту, удостоверился, что там никого, и отправился в следующую. Блондинка стояла столбом и наблюдала за ней. За *ней* – не за Каспером. Плевать... Через пять минут стало ясно: здесь тоже ничего.

Вибрация не прекращалась (будто пульсировали внутренности платформы), проникая ей под череп. Кирстен было жарко, голова кружилась, взгляд блондинки сверлил спину.

Она перешла к следующей двери, обследовала каюту. Точная копия предыдущих. Открыла один из рундуков. И сразу увидела. Среди других тряпок. Женское белье. Испачканное. Кирстен обернулась.

– Эту каюту занимают женщины?

Блондинка покачала головой.

Кирстен продолжила обыск.

Мужская одежда. Фирменные шмотки. «Хьюго Босс», «Келвин Кляйн», «Ральф Лорен», «Пол Смит»... Она открыла следующий рундук. Нахмурилась. Опять женское белье. Кровь на трусиках... А это что такое? У Кирстен участился пульс.

Сухая, как вобла, белокурая супервайзерша не спускала с нее глаз. Наверное, что-то почуяла, поняла по поведению Кирстен.

Та наклонилась, чтобы разглядеть получше. Вещи одного размера, почти все...

Кирстен почудился какой-то шорох. Женщина шевельнулась. Прислонилась плечом к дверному косяку. Подобралась очень близко и пристально смотрит. Кирстен поежилась, дыхание ее участилось. Она взглядом *отстранила* блондинку и спросила:

– Чья это каюта?

– Не знаю.

– Можешь узнать?

– Конечно.

– Действуй.

Каспер, услышав голос Кирстен, присоединился к ней. Она слегка отодвинулась, чтобы он увидел ящик с уликой, и сказала:

– Что-то тут не так. Слишком просто. Напоминает игру «Следуй по маршруту».

– Если так, то ведут тебя.

А он совсем не глуп...

– Идемте, – позвала женщина. – Их зовут Ласло Сабо и Филипп Невё.

* * *

Они сидели в маленьком кабинетике без окна, забитом папками.

Невё – французская фамилия...

– Который из них был вчера ночью на берегу?

– Невё.

– Где он сейчас?

Блондинка взглянула на большой настенный график с цветными карточками в карманчиках.

– На буровой площадке. Занимается сваркой.

– Француз?

Служащая платформы достала папку из металлической тумбочки, протянула Кирстен. К первой странице была приклеена фотография. Тонкие черты лица, волосы темные, коротко стриженные. На вид лет сорок – сорок пять.

– Назвался французом. Что, в конце-то концов, происходит?

Кирстен и Каспер встретились взглядами, и ее как будто током шарахнуло. Он явно почувствовал то же самое. *Наверное, мы сейчас напоминаем охотничьих псов, загоняющих дичь. Не зря нас зовут легавыми!*

– Как действуем? – тихо спросила она.

– Отсюда подкрепление не очень-то вызовешь.

– На борту есть оружие? – спросила Кирстен у блондинки. – Кто здесь отвечает за безопасность? У вас наверняка предусмотрены меры на случай нападения пиратов или террористической атаки.

Кирстен прекрасно знала, что офшорные компании крайне щепетильны на этот счет и соблюдают корпоративную тайну. Никто не хочет говорить на деликатные темы и признавать уязвимость своих стратегически важных объектов. Кирстен дважды участвовала в ежегодных антитеррористических учениях «Близнецы», в которых задействовались полиция, спецподразделения, береговая охрана и многие нефтяные и газовые компании. Она ходила на семинары, слушала специалистов – все были единодушны: Норвегия гораздо хуже соседей подготовлена к гипотетическому нападению террористов. До одной совершенно конкретной даты норвежцы были наивным народом, они свято верили, что терроризм их не касается и никогда не коснется. Наивность разбилась вдребезги 22 июля 2011 года, когда Андерс Брейвик устроил массовую бойню в молодежном лагере на острове Утёя ²¹.

Но даже сейчас, когда в Шотландии полицейские силы защищают буровые установки и платформы, размещая на борту вооруженных сотрудников, Норвегия не приняла мер безопасности. Впрочем, «Статойл» после захвата заложников 16 января 2013 года на газовом

²¹ 22 июля 2011 г. на острове Утёя проходил традиционный молодежный летний лагерь правящей Рабочей партии, в котором принимали участие 655 человек в возрасте 14–25 лет. Одетый в форму сотрудника полиции Андерс Беринг Брейвик (р. 1979 г.) предъявил поддельное удостоверение и сообщил о необходимости инструктажа по технике безопасности в связи с терактом в Осло (совершенном им же двумя часами ранее). Собрав вокруг себя несколько десятков молодых социал-демократов, он открыл по ним прицельный огонь. Стрельба, продолжавшаяся около 73 минут, вызвала панику, и многие люди в попытке спастись бросались в воду. Двое молодых людей утонули, пытаясь уплыть с острова.

месторождении в Ин-Аменас на юге Алжира решила спасаться самостоятельно ²². Что произойдет, если хорошо обученные люди с помповыми ружьями посадят вертолет на палубу, возьмут рабочих в заложники и заминировать всю платформу? В Северном море больше четырехсот офшорных установок – разве за воздушным пространством над ними наблюдают круглосуточно? Кирстен сильно в этом сомневалась. Интересно, рабочих, которые возвращаются с континента, досматривают? Что помешает им пронести на борт оружие?

Блондинка нажала на кнопку, наклонилась к микрофону.

– Миккель, можешь прийти? Немедленно...

Через три минуты появился здоровяк, похожий на ковбоя или рейнджера.

– Миккель, эти господа-дамы из полиции. Они хотят знать, есть ли у тебя оружие.

Силач нахмурился, повел стероидными плечами.

– Есть, а что?

– Чем вы вооружены? – поинтересовалась Кирстен и скривилась, услышав ответ. – Кто-нибудь еще вооружен?

– Капитан. Он держит оружие в каюте. Больше никто.

Дьявольщина! Кирстен посмотрела в темный иллюминатор, перевела взгляд на Каспера. Тот кивнул, и по его лицу она поняла, как он оценивает ситуацию.

– Помощи ждать неоткуда... – Кирстен подвела итог одной фразой.

– А он на своей территории, – добавил Каспер.

– Может, скажете, что происходит? – спросил китообразный Миккель.

Кирстен растегнула кобуру, но оружие вынимать не стала.

– Достань пушку. В ход пустишь только по моей команде.

Миккель побледнел.

– О чем это вы?

– Мы собираемся кое-кого задержать...

Блондинка изумленно уставилась на Кирстен, и та сказала:

– Веди нас...

На этот раз та подчинилась беспрекословно; сорвала с вешалки куртку. Вся агрессивность куда-то улетучилась – ей было страшно. Они гуськом вышли из кабинета и по узкому коридору добрались до металлического трапа – такого же крутого, как все лестницы на платформе. Кирстен шагнула на верхнюю ступеньку и увидела наружные неоновые огни.

Они нырнули в ночь, и грохот разбушевавшегося океана снова ударил по ушам.

Блондинка вела полицейских по лабиринту, иссеченному дождем. Правильнее было бы назвать его ливнем: струи сверкали под лампами на непроницаемом фоне сумерек. Кирстен подняла воротник пальто. Ледяные капли били по затылку, стекали по шее на спину. Мостики вибрировали под их ногами, но звук тонул в привычном шуме платформы.

Огромные, похожие на органные трубы змеились над ними, выстроенные в ряд и подвешенные к надстройке. Каждая труба превосходила высотой жилой дом. Буря заставляла их танцевать, петь, сталкиваться на манер связки колокольчиков. Еще одна лестница... Они спустились по ступенькам и оказались на палубе, покрытой жирной маслянистой грязью, загроможденной различными механизмами и проводами. Кирстен заметила в глубине темную фигуру: человек стоял на коленях, вспышки сварки освещали его через равные промежутки времени.

Инспектор незаметно проверила оружие. Стекло в графитовом забрале маски сварщика сверкало всякий раз, когда вспыхивало мощное белое солнце, искры летели во все стороны, дым поднимался вверх. «Его каска напоминает рыцарский шлем...» – подумала Кирстен.

²² В ходе операции по освобождению газового месторождения в Ин-Аменасе, разрабатываемого британским концерном «Бритиш петролеум», норвежским «Статойл» и алжирской компанией «Сонатрак», погибли 38 заложников, из которых 37 были иностранцами – граждане Великобритании, США, Японии, Румынии, Малайзии, Норвегии и Филиппин.

Занятый делом, сварщик не заметил приближения полицейских.

– Невё! – выкрикнула блондинка.

«Солнце» погасло, человек поднял маску, и Кирстен показалось, что он ухмыльнулся.

– Уйдите... – Кирстен отодвинула женщину. – Филипп Невё? Норвежская полиция! – Последние два слова она произнесла по-английски.

Он не отреагировал. Замер со сварочной горелкой в руке. Человек без лица... Медленно положил аппарат на металлический пол, стянул защитные краги, потянулся к каске. Кирстен не спускала с него глаз, отведя правую руку к бедру. И вот уже ладони подозреваемого поднялись к голове, и из-под каски появилось лицо. То самое, с фотографии. Смотрел он как-то странно, и Кирстен мгновенно насторожилась.

Мужчина плавно распрямился, и ей почудилось, что он вот-вот взлетит, как большой тощий стервятник.

– Без резких движений! – приказала она. – *Slowly!* ²³

Кирстен полезла в карман за наручниками – там их не оказалось. Черт! Сунула руку в другой – слава богу! Искоса взглянула на Каспера: тот не мигая смотрел на Невё и только что зубами не скрипел от напряжения.

Шесть метров.

Их разделяло шесть метров.

Это расстояние нужно преодолеть, если она хочет надеть на него браслеты. Кирстен огляделась. Каспер достал оружие. Агент службы безопасности держал руку на кобуре – на манер уроженца Дикого Запада. Блондинка выпучила глаза.

– *Keep quiet!* – рыкнула Кирстен. – *Understand me?* ²⁴

Невё смотрел, как загнанное животное, ей показалось, что он в ступоре. Дождь барабанил ему по черепу, струйки воды стекали по лицу.

– Руки за голову! – приказала Кирстен. Невё подчинился намеренно небыстро, не желая спровоцировать полицейских, – но взгляда не отвел. Смотрел на нее.

Сварщик был почти великаном, с таким нужно соблюдать максимальную осторожность. Капля сорвалась со стальной потолочной балки, ударила Невё по макушке, но он даже не вздрогнул.

– Медленно повернись и встань на колени. Руки держи над головой, понял?

Невё молча подчинился, а через секунду исчез из поля их зрения. Легко, как акробат, нырнул за находившуюся справа от него пузатую цистерну.

– Черт!

Кирстен дослала патрон в ствол и бросились в погоню. Обогнула цистерну, грохоча сапогами по металлической решетке пола. Невё свернул налево за толстой изогнутой трубой и скатился по лестнице метрах в десяти от преследовательницы. У последней ступеньки начинался узкий мостик, ведущий на другую, хуже освещенную часть платформы.

– Кирстен, вернись! – орал ей вслед Каспер. – Вернись! Далеко он не уйдет!

Фортель Невё выбил ее из колеи. Сработал инстинкт – «ты бежишь, я догоняю», – и она ринулась за ним в темноту.

– Назад, Кирстен, черт бы тебя побрал!

Под ногами у нее бились гигантские пенные волны. *Какого хрена ты творишь? Что за игру затеяла?*

Кирстен неслась, размахивая пистолетом, осознавала, что преступник заманивает ее в лабиринт из стальных балок, лестниц и переборок, но остановиться не могла.

²³ Медленно! (англ.)

²⁴ Спокойно! Понимаете меня? (англ.)

Она понимала, как глупо поступает; хорошо хоть, придурок одет в тяжеленный рабочий комбинезон и безоружен. Так она скажет – потом, когда ее спросят, зачем было так рисковать.

В тот момент, когда Кирстен оказалась на другой стороне (в голову почему-то пришла мысль о сторожевых башнях замка, связанных дозорной галереей), высоченная волна ударила в одну из опор, и ледяные брызги окропили ей лицо. Она не нашла Невё глазами – он затаился в тени и оставался невидимым.

– Невё! – крикнула Кирстен. – Давай без глупостей! Деваться тебе некуда!

Беглец не ответил, но она шестым чувством предугадала движение и заметила, как он кинулся вниз, в глубину.

– Эй ты, скотина, а ну вернись!

Кирстен опоздала – Невё исчез, а она осталась без поддержки. Ни Каспер, ни охранник за ней не последовали. Вокруг клубились призрачные тени и фантомы. Ночь раздувала паруса.

Кирстен двигалась вперед, для устойчивости чуть согнув ноги в коленях. Пистолет она держала обеими руками, но видимость была нулевая. Продолжать преследование – чистое безумие! *Ты работаешь на публику, дорогая. Или решила всех насмеить?*

Она наступила на что-то мягкое, опустила глаза и увидела лежащий большой кучей брезент. Аккуратно перешагнула, не переставая оглядываться, и тут ее схватили за лодыжку, резко дернули. Она упала. Оказалась в нокдауне, как говорят боксеры.

Спина и локоть ударились об пол, оружие отлетело бог весть куда. Из-под брезента со сказочной скоростью вынырнул Невё и кинулся на неё, страшно гримасничая. Кирстен приготовилась нанести ему удар по колену, и тут ночное небо взорвалось. Десятки ламп высветили склонившийся над ней силуэт, прогремел голос Каспера:

– НАЗАД! НЕМЕДЛЕННО! РУКИ НА ГОЛОВУ! НЕ ДУРИ, НЕВЁ!

Кирстен посмотрела на француза: он был в ужасе.

3. Телеобъектив

Кирстен и Каспер уже три часа допрашивали Невё. Они выбрали максимально нейтральное помещение – комнату с пустыми стенами, без окна, – чтобы собеседник смотрел только на них и был сконцентрирован на вопросах.

Кирстен пустила в ход лесть – *инсценировка в церкви уникальна*; расспросила о его работе – *трудно, наверное, быть сварщиком*, а потом сделала поворот на 180 градусов и принялась глумиться над его слабостями – *до чего же легко мы тебя взяли!*

Невё твердил одну фразу: «Я ни в чем не виноват!»

– Это белье моей подружки. Она сама мне его дала, чтобы я мог вспоминать... ну вы понимаете, когда буду далеко...

Кирстен посмотрела ему в глаза. Тот еще преступник... не преступник – сопливый плакса. Ей захотелось отхлестать Невё по щекам.

– А кровь на трусиках откуда? – спросил Каспер.

– Менструальная – проверьте и убедитесь!

Кирстен представила, как он нюхает белье, лежа вечером на койке в своей каюте, и пере-дернулась от омерзения.

– Ладно, допустим. Какого черта ты побежал?

– Я уже говорил.

– Повтори.

– Я десять раз повторял!

Кирстен пожала плечами.

– Повтори в одиннадцатый.

Невё долго молчал, и она с трудом удерживалась от желания встряхнуть ее.

– Я иногда привожу «травку». Немного. Для своих.

– Приторговываешь?

– Нет, за так раздаю.

– Хватит врать! Ты меня почти рассердил.

– Ладно вам, ладно, не злитесь. Ну, оказываю я услуги, что из того, жизнь на борту ох какая несладкая!.. Но я не убийца, крови на мне нет!

И Невё снова заплакал.

Полицейские вышли в коридор.

– Что, если мы ошибаемся? – спросила Кирстен.

– Шutiшь?

– Нет.

Она поднялась по лесенке и вошла в рубку.

– Итак? – спросил Кристенсен.

– Мы должны обыскать каюты рабочих, которые еще не вернулись.

– Зачем?

Кирстен и не подумала ответить.

– Хорошо, – сквозь зубы процедил капитан, поняв, что эту женщину ему не переспорить. – Идемте.

* * *

Находка ждала в четвертой по счету каюте.

Крафтовый конверт А4 лежал под одеждой. Кирстен открыла его и увидела фотографии. На первой, на фоне озера, деревни и заснеженных гор, был снят белокурый мальчик лет четырех-пяти – *Гюстав*, судя по надписи на обороте.

Кирстен вгляделась – снимали телеобъективом.

На следующих двенадцати снимках фигурировал мужчина. Один и тот же. Лет сорока. Волосы темные. Паркует машину. Выходит. Запирает дверцу. Идет по улице, в толпе. Сидит за витриной кафе. Она прочла название улицы.

Все фотографии сделаны во Франции. На одной из последних фигурант входит в большое кирпичное здание через полукруговую металлическую дверь. Французский флаг. Табличка «КОМИССАРИАТ ПОЛИЦИИ».

Французского Кирстен не знала, но последнее слово понял бы любой дурак.

Полиция: *politiet*.

На крупных планах у мужчины приятное, но очень усталое лицо. И озабоченное. Мешки под глазами, горькая складка у рта. На отдельных снимках силуэт размыт – возможно, перед объективом проехала машина, качнулась ветка, на миг остановился прохожий. Объект о слежке не подозревал.

Кирстен снова перевернула первую фотографию.

ГЮСТАВ

Тот же почерк, что на клочке бумаги, найденном в кармане убитой Ингер Паульсен.

Клочок бумаги с *ее* именем и фамилией.

Мартен

4. Сраженный молнией

В Тулузе тоже шел дождь, но без снега. Начало октября, а на градуснике +15°.

– «Дом в конце улицы», – сказал лейтенант Венсан Эсперандье.

– Чего?

– Ничего. Так называется один фильм ужасов.

Майор Мартен Сервас сидел в машине, не зажигая свет, и смотрел на мрачный дом у железнодорожной насыпи. Трехэтажный, с блестящей крышей, рядом высокое дерево, отбрасывающее на фасад зловещую тень. Ночь и дождь, расстреливавший палисадник, отделявший их от здания, наводили на мысль о конце света.

«Странное место, – подумал майор. – Кому захочется жить между железнодорожными путями и рекой, в ста метрах от последних домов унылого квартала, рядом со складами, изуродованными граффити?» Их, кстати, привела сюда именно река: на женщин, бегающих вдоль Гаронны, были совершены нападения. Первых двух избили и изнасиловали, третьей нанесли множественные удары ножом, и она умерла в реанимации Университетской клиники. Все нападения произошли в радиусе меньше двух километров от дома, хозяин которого фигурирует в картотеке особо жестоких сексуальных правонарушителей. Мультирецидивист. Выпущен из тюрьмы по УДО сто сорок дней назад. Отсидел две трети последнего срока.

– Уверен, что это здесь?

– Флориан Жансан, улица Паради, двадцать девять, – подтвердил Эсперандье, взглянув на экран планшета.

Сервас прислонился лбом к стеклу, посмотрел на пустырь, где под акациями росла высокая трава. Кто-то говорил ему, что крупная компания, специализирующаяся на строительстве автомагистралей, линий электропередачи и дорожных стоянок, собирается возвести здесь сто восемьдесят пять жилых комплексов (квартиры, ясли-сад и дом престарелых). К превеликому сожалению и неудовольствию авторов проекта, пробы почвы показали, что содержание свинца и мышьяка в два раза превышает допустимые нормы. По данным некоторых экологических ассоциаций, загрязнен даже уровень грунтовых вод. Что не мешает местным брать воду из колодцев и поливать этой водой свои огороды!

– Он здесь, – сказал Венсан.

– С чего ты взял?

– Кретин зарегистрировался на «Тиндере».

– Это что еще за зверь?

– Есть такое приложение, – с улыбкой уточнил его заместитель, знавший, что патрон – не *гик*²⁵ и даже не *нёрд*²⁶. – Жансан – насильник, вот я и решил проверить, не зависает ли он на сайте, где заводят знакомства и назначают встречи. Многие – да нет, все! – женщины, загружившие приложение на свои смартфоны, тут же становятся известны отбросам вроде нашего клиента.

– Сайт знакомств? – переспросил Сервас, как будто Эсперандье рассказал историю о планете, затерянной в глубинах космоса.

– Да.

²⁵ Гик – фанат, горячий поклонник чего-либо; термин в основном применяется к людям, увлеченным электронными гаджетами и их приложениями.

²⁶ Нёрд – слабо социализированный интеллеktуал, чаще технического профиля.

– Ну и?..

– Ну и я создал фальшивый аккаунт, чтобы завлечь рыбку в сети. Сработало. Только что. Вот, смотри.

Сервас наклонился, увидел на экране изображение молодого парня и узнал подозреваемого. Рядом стояла красивая блондинка – лет двадцати от силы.

– Пора идти. Нас *засекли*... Вернее будет сказать – Жоанну заметили.

– Жоанну?

– Моя фальшивая личность. Блондинка, метр семьдесят, восемнадцать лет, только что вышла... Черт, у меня уже больше двухсот соответствий! Всего за три дня... Та ещё штучка, того и гляди станет чемпионкой спид-дейтинга ²⁷.

Сервас не стал просить: «Переведи на французский, дружок!» – чтобы не давать Венсану повода в очередной раз сделать «страшные глаза»: «Ну вы даете, патрон...» Венсан на десять лет моложе, но какие же они разные! Сервасу сорок шесть, и современная жизнь смущает его, а иной раз приводит в полное замешательство. Он воспринимает реалии как противоестественное смешение технологий, вуайеризма, рекламы и массовой торговли, а его заместитель пиратствовал на форумах и в соцсетях, проводил за компьютером больше времени, чем у экрана телевизора. Сервас осознавал, что устарел, а прошлое утратило смысл и лишилось авторитета.

Он напоминал себе героя последнего фильма Лукино Висконти «Семейный портрет в интерьере». Действие происходит в очень старом доме в центре Рима, на двух его последних этажах. Роскошная, набитая произведениями искусства квартира старого профессора в исполнении Берта Ланкастера. В один несчастный день он сдает последний этаж ультрасовременному и скандальному семейству маркизы Брумонта, и его «милый дом» становится ареной борьбы идей и поколений. К затворнику – против его воли – вторгается загадочный новый мир и завораживает его. Сервас тоже плохо понимал представителей молодого поколения с их девайс-зависимостью и ребяческой возбудимостью.

– Шлет одно сообщение за другим, – сообщил Венсан. – Попался! – Он открыл бардачок – и замер с планшетом в руке. – Здесь твоя пушка...

– Знаю.

– Не хочешь взять ее с собой?

– Зачем? У нашего мерзавца стереотипное мышление, он предпочитает холодное оружие и ни разу не оказал сопротивления при аресте. И потом, у меня есть ты и твое оружие.

Сервас вышел из машины. Эсперандье пожал плечами. Проверил кобуру, снял пистолет с предохранителя и последовал за майором. Холодный косой дождь намочил ему лоб.

– Ты упрямый осел, – сказал он в спину Сервасу.

– *Cedant arma togae*. Пусть война отступит перед миром.

– Я предложу изучать латынь в полицейской школе, – съязвил Эсперандье.

– Мудрость древних кое-кому добавит ума, – милостиво согласился Сервас.

Они шли по топкому пустырю к садику за оградой, разбитому перед домом. Почти всю южную стену занимал огромный знак граффити, сделанный краской из аэрозольного баллончика. Единственное окно было замуровано. Два окна фасада смотрели на деревья через щели ставен.

Сервас толкнул калитку, и та отозвалась ржавым скрипучим голосом – таким визгливо-высоким, что, несмотря на разбушевавшуюся погоду, в доме наверняка слышали *гостей*. Полицейские переглянулись, и Венсан кивнул.

Они миновали заброшенный, заросший сорной травой огород, и Сервас замер. Справа от дома, рядом со своей будкой, стоял большой сторожевой пес и смотрел на чужаков. Молча.

²⁷ Быстрые свидания – формат вечеринок мини-свиданий, организуемых с целью познакомить людей друг с другом. Участников, как правило, подбирают по равноценным социальным группам.

– Питбуль, – тихим напряженным голосом прокомментировал Эсперандье из-за спины майора – Закон тысяча девятьсот девяносто девятого года запретил разведение собак первой категории, всех кобелей должны были стерилизовать, но в одной только Тулузе их больше ста пятидесяти, представляешь? А псов второй категории как минимум тысяча...²⁸

Сервас оценил цепь: достаточно длинная, так что если зверюга захочет, то достанет их. Венсан вытащил оружие, и Мартен спросил себя, успеет ли он уложить чудовище в броске, если оно решит перегрызть горло одному из них или даже обоим.

– С двумя пушками шансов было бы больше, – наставительным тоном произнес Эсперандье.

Питбуль напоминал безмолвную тень со сверкающими глазками. Сервас поднялся на единственную ступеньку (боковым зрением он все время следил за псом) и нажал на металлическую кнопку звонка. За матовым затертым стеклом угрюмо молчал дом, но вот раздались шаги, и дверь распахнулась.

– Какого черта вам нужно?

Человек, за которым они пришли, оказался худым, почти тощим, и невысоким. Шестидесят кило и метр семьдесят. На вид – лет тридцать. Голова наголо выбрита. Впалые щеки. Глаза с крошечными, с булавочную головку, зрачками, смотрят из глубины орбит.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался Сервас, показывая значок. – Уголовная полиция. Мы можем войти?

Бритоголовый колебался.

– Мы просто хотим задать несколько вопросов... На трех женщин напали у реки, – начал объяснять майор. – Все газеты об этом писали.

– Я не читаю газет.

– Ну, значит, видели в Интернете.

– Не захожу.

– Ясно. Мы обходим все дома в радиусе километра от берега, – не моргнув глазом, соврал Мартен. – Опрашиваем соседей...

Хозяин дома буравил полицейских злобным взглядом – он явно не поверил ни единому слову полицейского. *Наверняка думает о блондинке, которую подцепил на «Тиндере». Просто чудо, с такой-то рожей... Сейчас у него одно желание – чтобы мы поскорее убрались. Заглоти реальная девица приманку, что этот урод сделал бы с ней?* Сервас читал досье и знал подробности...

– Проблема, месье? – Мартен намеренно взял недоверчивый тон, недоумевающе вздернув брови.

– Что? А... нет, никаких проблем... Входите. И давайте поскорее, мне пора давать матери лекарство.

Жансан сделал шаг назад, Сервас переступил через порог и оказался в темном и узком, как шахта, коридоре. Под дверью, метрах в двух по левой стене, виднелась полоска тусклого света. «Напоминает череду пещер, освещенных лампами спелеологов», – подумал Сервас, усмехнувшись своему неумному воображению. Воняло кошачьей мочой, пиццей, потом и окурками. Был еще один запах – хорошо знакомый Мартену: в больших квартирах в центре

²⁸ Собаки во Франции поделены на категории. Содержание собак первой и второй категорий, иначе именуемых «опасные собаки», требует от владельца повышенной ответственности. Первая категория: собаки (без родословных) следующих пород: стаффордширский терьер и американский стаффордширский терьер (называемые обычно «питбули»), мастифы (называемые «бурбули»), тоса-ину или собаки, внешне похожие на эти породы. Вторая категория: собаки (с родословными) следующих пород: стаффордширские терьеры и американские стаффордширские терьеры (кроме стаффордширского бультерьера, именуемого стаффи), ротвейлер, тоса-ину, а также собаки, не имеющие родословной и похожие на ротвейлера. Для собак первой категории запрещено разведение, ввоз в страну, продажа. Предписана обязательная стерилизация (штраф – 6 месяцев тюрьмы или 15 000 евро). Запрещено содержание в многоквартирных домах, нахождение в общественных местах или в общественном транспорте (штраф 150 евро).

города, где находили тела старых дам, забытых богом и людьми, пахло лекарствами и одиночеством.

Майор сделал еще один шаг.

По обе стороны коридора были свалены стопки картонных коробок, просевших под весом древних абажуров, пыльных журналов, плетеных корзин со всяким хламом. Тяжелая громоздкая мебель оставляла проход для одного человека – двоим было не разойтись. Склад какой-то, а не квартира... Сервас добрался до двери и бросил взгляд налево. Увидел темные очертания шкафов и комодов, ночник на тумбочке в центре комнаты. Глаза постепенно привыкали к полумраку, и он разглядел кровать и очертания человека. *Болящая мамаша...* Сервас не был к этому готов – а кто был бы?! – и непроизвольно сглотнул. Женщина полусидела-полулежала в подушках, нагроможденных у дубовой спинки кровати. В вырезе ветхой ночной рубашки виднелась костлявая грудь. Лицо с выступающими скулами, глубоко посаженные глаза и редкие седые волосы на висках делали ее похожей на героиню картины то ли Дюрера, то ли Гойи. На салфетке, покрывающей тумбочку, лежали упаковки лекарств, в вену узловатой руки была воткнута игла капельницы. Смерть в этой комнате почти вытеснила жизнь. Больше всего пугали слезящиеся глаза ведьмы: даже утомленные болезнью, они сочились ненавистью. Сервас вспомнил адрес дома – улица Паради ²⁹ – и подумал, что ее стоило бы переименовать в улицу Анфер ³⁰.

Довершал образ пожелтевший окурочек в растрескавшихся губах – мумия курила, как пожарный, рядом стояла пепельница, над кроватью висело облако дыма.

Сервас перешел в гостиную, освещенную мерцанием телевизора и экранами нескольких компьютеров. «Да здесь целая анфилада комнатенок, соединенных низкими арками, деревянная лестница и куча закутков, хуже варианта не придумаешь...» – подумал он. Что-то коснулось его ног. Кошки, стая кошек, снующих туда-сюда поверху и понизу; десятки разноцветных уса-тых зверьков разного размера. Сервас разглядел блюдечки и миски с едой, свежей и засохшей, скукожившейся и почерневшей, и приказал себе: «Смотри, куда ставишь ногу, болван! Не хватает только вляпаться».

Вонь стояла невыносимая, но чуткий нос майора уловил запах жавелевой воды. Мартен поморщился.

– Свет можно зажечь? – спросил он. – А то темно, как... сам знаешь где.

Хозяин дома протянул руку, зажег чертежную лампу, выветив половину стола с компьютерами. Сервас успел заметить низкий диванчик и пузатый комод.

– Ну так что там у вас за вопросы?

Жансан слегка пришепetyвал, и майор угадал за вызывающим тоном страх и неуверенность в себе.

– Вы гуляете рядом с тропой бегунов, проложенной вдоль реки? – спросил Эсперандье, и Жансан резко обернулся.

– Неа.

– Никогда?

– Я же сказал! – Уродец повысил голос.

– Слышали, что там случилось?

– Нет... но... Да вы что?! Видели, где мы с мамашей живем? Кто, по-вашему, придет сюда делиться слухами? Почтальон? Никто у нас не бывает.

– Разве что бегуны... – заметил Сервас.

– Ну-у-у... некоторые паркуются на гребаном пустыре.

– Мужчины? Женщины?

²⁹ Райская улица (фр.).

³⁰ Адская улица (фр.).

- И те и другие. Девки иногда берут с собой псов, Призрак нервничает, лает.
- А идут они мимо ваших окон.
- И что с того?

Под ларем что-то лежит. Сервас заметил, как только вошел.

Он сделал шаг, и Жансан занервничал.

- Куда это вы? Если собрались обыскивать...

– На трех женщин напали в двух километрах от вашего дома, – вмешался Венсан, вынуждая парня повернуть голову. – Все три дали одинаковое описание...

Сервас почувствовал, как напрягся хозяин дома, и незаметно переместился еще ближе к ларю.

– Они заявили, что на них напал мужчина в толстовке с капюшоном, ростом примерно метр семьдесят, худой – килограммов шестьдесят, не больше...

На самом деле художник по словесным описаниям сделал три разных портрета, обычно так оно и бывает. Но в одном жертвы сошлись: преступник был низкий и тщедушный, но очень сильный.

– Где вы были одиннадцатого, двадцать третьего и восьмого ноября между пятью и шестью часами вечера?

Жансан нахмурился, изобразив глубокую задумчивость, и Сервас почему-то вспомнил игру актеров в фильме «Семь самураев».

– Одиннадцатого мы с Анжелом и Роланом – это мои кореша – играли в карты у Анжела. Двадцать третьего тоже. А восьмого мы с Анжелом ходили в кино.

- Какой фильм смотрели?

- Что-то про зомби и скаутов.

– Зомби и скауты? – переспросил Венсан. – «Скауты против зомби», – подтвердил он. – Вышел на экраны шестого ноября. Я тоже его видел.

Сервас смотрел на своего заместителя, как будто тот вдруг превратился в марсианина.

– Странно, – произнес он так тихо, что Жансану пришлось в очередной раз повернуть голову. – У меня, вообще-то, хорошая память, но я не сумел бы вот так, с ходу, сказать, где был и что делал вечером одиннадцатого или двадцать третьего октября. Двадцать пятого помню – коллега уходил в отставку, так что день был особый... Получается, для тебя игра в карты с друзьями и поход в кино – особо запоминающиеся дела, так?

- Спросите у ребят, они всё подтвердят, – надулся Жансан.

- Не сомневаюсь. – Сервас кивнул. – Фамилии назовешь?

Как он и предполагал, парень поспешил дать требуемую информацию.

- Слушайте, я знаю, почему всё так хорошо запомнил.

- Неужели? Валяй.

– Когда я прочел в газете про ту девушку... ну, которую изнасиловали... решил обязательно запомнить, что делал в тот день...

- Ты вроде сказал, что не читаешь газет?

- Соврал.

- Зачем?

Жансан пожал плечами. Его бритый череп блестел в темноте. Он провел рукой в перстнях от лба к татуированному затылку.

– Да затем, что не собирался с вами долго разговаривать, неужели не ясно? Хотел, чтобы вы убрались побыстрее.

- Что, дел по горло?

- Может, и так.

- Ты каждый раз записывал, чем занимался?

- Да. Сами знаете, все это делают.

– Кто – *все*?

– Парни вроде меня – с ходками за это самое... Мы знаем, что легавые первым делом спросят: «Где был? Что делал?» Не ответишь – рискуешь стать подозреваемым.

– А твои кореша, эти самые Анжель и Ролан, уже мотали срок?

– Ну мотали... И что с того?

Сервас заметил, что тень под ларем шевельнулась. На него смотрели два испуганных глаза.

– Сколько тебе было, когда ты сел в первый раз? – внезапно поинтересовался Эсперандье.

Прогремел гром, молния на мгновение осветила гостиную.

– В первый раз?

– Когда ты впервые совершил сексуальное нападение на женщину...

Сервас заметил, как загорелись глаза Жансана.

– В четырнадцать лет. – Ответ прозвучал холодно и четко.

Мартен еще чуть-чуть наклонился. Под ларем сидел белый котенок. Малыша терзали страх и желание вылезти, прыгнуть изо всех сил и потереться о ногу большого человека.

– Она сама захотела.

– Ты ее оскорбил. Дал пощечину, избил...

– Мерзавка спала со всеми подряд. Мужиком больше, мужиком меньше, не все ли равно?

– Ты нанес несколько ударов по голове... Очень жестоких... Врачи констатировали *черепно-мозговую травму*... А потом ты взял насос – им надували спортивные мячи – и... применил его *не по назначению*. Тебе известно, что у девушки никогда не будет детей?

– Это давние дела...

– А ты помнишь, что чувствовал в тот момент?

Ответил Жансан не сразу.

– Вам не понять, – произнес он наконец неприятным тоном, и майор расслышал нотки превосходства.

Высокомерие и эгоизм в чистом виде. Сервас протянул руку к ларю, и котенок медленно, «на мягких лапках», бочком, приблизился и начал лизать ему пальцы шершавым языком. Появились другие кошки, но их майор отогнал.

– Ну так объясни, – попросил Эсперандье, с трудом сдерживая отвращение.

– Зачем? Вы рассуждаете о том, чего не понимаете. Ни один из вас понятия не имеет, что чувствуют такие, как я... Не представляете, насколько *сильны* наши эмоции. Мы экспериментируем, раздвигаем границы, а люди вроде вас – те, что подчиняются закону и правилам морали, боятся легавых, опасаются взглядов соседей, – находятся на расстоянии миллионов световых лет от истинной свободы и подлинной власти. Наши жизни богаче ваших и уж точно полнее.

Голос Жансана теперь напоминал шипение змеи.

– Я отсидел и расплатился по долгам. У вас на меня ничего нет. Я чту закон...

– Неужели? И как же ты сдерживаешь порывы? Чтобы не переходить к действиям? Занимаешься онанизмом? Снимаешь проституток? Принимаешь лекарства?

– ...но я ничего не забыл, – продолжил Жансан, проигнорировав выпад Серваса. – Я ни о чем не жалею, ни от чего не отрекаюсь и не чувствую ни малейшей вины. И не стану извиняться за то, что Господь создал меня таким...

– Так вот что ты чувствовал, когда пытался изнасиловать трех женщин на берегу Гаронны? – спокойно поинтересовался Эсперандье. – Я сказал *пытался*, ведь ты даже не кончил. У тебя не встал, и за это ты изрезал девушку ножом, верно?

Сервас понимал, чего добивается Венсан, оскорбляя мужское эго ублюдка. Он хочет, чтобы тот начал оправдываться, похвалиться своими подвигами. *Ничего не выйдет...*

– Я изнасиловал четырех женщин и заплатил за это, – холодно ответил Жансан. – Троих отправил в больницу. – Он произнес это, как футболист, похваляющийся забитыми голами. – Я ничего не делаю наполовину, все довожу до логического конца. – Скрипуче хохотнул, и у Серваса волосы на затылке встали дыбом. – Сами видите, с этими поработал кто-то другой...

Гад прав; Сервас сразу понял, что последние три нападения совершил не Жансан. Он снова посмотрел на белого котенка. И вздрогнул. Малыш был одноухий, на месте второго – розовый шрам.

Где он его видел?

– Оставьте моего кота в покое, – потребовал Жансан.

Оставьте моего кота в покое...

И тут майор вспомнил. В июне, в загородном доме близ Монтобана убили женщину. Он читал отчет. Жертва жила одна. Ее изнасиловали, потом задушили – после завтрака. Патологоанатом обнаружил в желудке кофе, зерновой хлеб и джем из цитрусовых и киви. Погода стояла жаркая. Все окна были распахнуты настежь, и в комнату вливалась утренняя свежесть. Преступник просто перелез через подоконник. Семь утра, дом соседей метрах в тридцати, но никто ничего не видел и не слышал. Жандармы отметили только, что пропал хозяйкин кот.

Белый одноухий кот...

– Он не твой... – Сервас покачал головой и встал.

Ему показалось, что воздух в комнате сгустился. Майор поморщился, почувствовал, как напряглись мышцы. Жансан не пошевелился. Не произнес ни слова. Еще одна молния высветила его крошечные глазки на белом как мел лице.

– Назад, – вдруг приказал он.

В его руке как по волшебству оказался пистолет.

«Вот ты себя и выдал», – подумал Сервас, переглянувшись с Венсаном.

– Назад!

Полицейские подчинились.

– Не делай глупостей, – сказал Эсперандье.

Жансан побежал. Стартовал с места – и, как юркая мышь, завилял между шкафами, обогнул стол, рванул на себя заднюю дверь и исчез, а в комнату ворвались ветер и дождь. Сервас встряхнулся и кинулся в погоню.

– КУДА ТЫ? – кричал ему вслед Венсан. – МАРТЕН! КУДА? ТЫ БЕЗ ОРУЖИЯ!

Застекленная дверь хлопала на ветру, билась о заднюю стену дома. Она выходила на железнодорожную насыпь. Доступ к путям закрывала решетка. Жансан не стал перелезать – он побежал вдоль нее и оказался на пустыре. Сервас поискал мерзавца взглядом, повернул голову и увидел, что тот мчится к узкому туннелю, через который они приехали. Он был проложен под железнодорожными ветками, которые вливались в главный путь.

Справа от туннеля находился вход; от него поднималась лестница к бетонному каземату – там, скорее всего, находился пост переключения стрелок. Строгие предупреждения об опасности ударов током не отпугнули граффитистов: каждый квадратный сантиметр бетона покрывали крупные цветные буквы. Капли воды сверкали в свете молний, подавал голос гром: гроза кружила над Тулузой. По растущей на насыпи траве бежали ручьи и растекались по грязному пустырю, образуя глубокие лужи.

Сервас бежал, омываемый ливнем. Жансан сильно опередил его и уже мчался к стальным опорам воздушных линий электропередачи, поддерживавшим на заданной высоте сложную сеть консолей, поперечин, сцепок проводов и тросов, изоляторов и трансформаторов. Это напоминало подстанцию, и у Серваса сразу мелькнула мысль: «Высокое напряжение!» Потом в голову пришли слова *гроза, гром, молнии, дождь, проводимость*. Тысячи вольт, ампер или хрен знает чего другого представляли собой смертельную ловушку. «Куда ты, кретин?» – мысленно воззвал он к Жансану, но тот, судя по всему, не понимал, что вот-вот подвергнет свою

жизнь опасности. Его интересовал только грузовой состав, катившийся на малой скорости и перегораживавший ему путь.

Ноги у Серваса промокли насквозь, в ботинках чавкало, воротник рубашки пропитался водой, волосы прилипли ко лбу.

Майор вытер лицо и перелез через решетку, зацепившись курткой за проволоку: падая на цементный пол, он слышал треск рвущейся ткани.

Жансан колебался. Он наклонился, заглянул между вагонами, но испугался быть раздавленным, прыгнул на землю, и уцепился за ступеньки, чтобы забраться на крышу.

Не делай этого!

Не делай этого!

Не здесь, идиот!

– Жансан! – крикнул Сервас.

Тот обернулся, заметил погоню и прибавил скорости. Рельсы блестели под дождем. Мартен полез наверх по металлическим ступенькам на боку вагона.

– Какого черта ты делаешь, идиот?!

* * *

Кричал Эсперандье. Сервас слышал гул электричества в проводах высоковольтных линий у себя над головой; казалось, что жужжит огромный осиный рой. Дождь барабанил по крыше вагона, капли отскакивали в лицо полицейскому.

Вот и крыша. Вспышки молний освещали Жансана, находящегося в нескольких метрах от контактной сети. По высоковольтным проводам со звуком *фффф-иинииииии* проскакивали импульсы перенапряжения... Все волосы на теле Серваса встали дыбом. Он стер воду с лица – дождь не унимался. Жансан стоял спиной к Мартену, широко расставив ноги, и не знал, на что решиться.

– Жансан! – Майор решил воззвать к здравому смыслу. – Мы поджаримся, если не свалим отсюда...

Ноль реакции.

– Жансан!

Пустой номер.

– ЖАНСАН!

Продолжение...

...продолжение Сервас видит в тумане противоречащих друг другу ощущений. Они смешиваются, время резко ускоряется необъяснимым образом. Жансан поворачивается, у него оружие, из черного дула вылетает огонь, яркая белая электрическая дуга слепит глаза, падает на Жансана, бьет его по левой стороне лица, между ухом и челюстью, находит путь сквозь тело, попадает через ноги в мокрую крышу вагона, превращает беглеца в горелый тост и тотчас отбрасывает его на несколько метров... Сервас замечает остаточный заряд электричества, когда тот по крыше подбирается к его подошвам, волосы на голове шевелятся, но в этот момент происходит событие, которое изменит его будущее: за следующую – десятую – долю секунды выпущенная из пистолета пуля входит в контакт с промокнутой шерстяной курткой, пробивает ее на скорости 350 метров в секунду, то есть в десять раз быстрее скорости звука, проходит сквозь ткань водолазки (42 % полиамида, 30 % шерсти и 28 % альпаки), эпидермис, дерму, гиподерму влажной кожи в нескольких сантиметрах от левого соска, наружную косую мышцу живота, глубокие мышцы груди, задевает грудную артерию, грудину, потом переднюю долю левого легкого, губчатого и пористого, рвет перикард на уровне левого желудочка, проникает наконец в сердце (страх подгоняет его, оно качает кровь) и выходит с другой стороны. Удар отбрасывает Серваса назад.

Последнее, что видит, ощущает и слышит Мартен, – статическое электричество у себя под ногами, капли холодного дождя на щеках, запах озона и вопли Венсана под насыпью.

Смертоносная металлическая оса пронзила его сердце.

5. Где-то по соседству со смертью

– ОР и ОРГ, – произнес женский голос рядом с ним. – Повторяю: огнестрельное ранение и проникающая травма грудной клетки. Опаснейшее проникающее ранение в сердце. Входное отверстие в прекардиальной области. Выходное отверстие на спине. Время восстановления цвета кожных покровов более трех секунд³¹ – предагональное состояние. Тахикардия – выше ста двадцати ударов в минуту. Отсутствует реакция на боль. Зрачки не реагируют на свет. Цианоз губ, конечности холодные. Положение крайне нестабильное. Рекомендуются немедленное хирургическое вмешательство.

Голос доносился до Серваса словно через несколько слоев ваты. Женщина спокойна, но очень сосредоточена и обращается не к пациенту, а к кому-то другому.

– У нас еще один раненый, – добавляет голос. – Получил ожоги третьей степени, удар током. Стабилизирован. Нам нужен аппарат искусственной вентиляции легких. Давайте шевелитесь. Здесь всё дерьмово.

– Где другой полицейский? – спросил человек с блеющим голосом. – Я хочу знать калибр этого ублюдочного оружия и тип боеприпасов!

Молнии вычерчивают косые линии на небе. Он смотрит через ресницы и угадывает справа другие пульсации – ритмичные, окрашенные в разные цвета. Он слышит шумы: далекие голоса – их много, отзвуки сирен, стук и скрип поезда, идущего по рельсам.

Было верхом идиотизма гнаться за этим мерзавцем без оружия.

Он погружается в задумчивость и видит отца. Тот стоит рядом с носилками. «Какого черта ты тут делаешь? – думает он. – Ты покончил с собой, когда мне было двадцать. Я нашел тебя. Ты последовал выбору древних греков – Сократа, Сенеки³². Свел счеты с жизнью в кабине, где проверял работы учеников. Под Малера. В тот день я вернулся после занятий... Как ты здесь оказался?»

Чистое безумие.

Папа? Папа? Куда он делся? Ушел...

Вокруг него суетятся. Ему мешает маска, лицо как будто придавила толстая лапа, но именно через маску в легкие проникает жизнь. Вступает другой – знакомый – голос, до ужаса перепуганный.

– Он жив? Он жив? Он будет жить?

Венсан, это Венсан. Почему Венсан паникует? Я хорошо себя чувствую. Я на удивление хорошо себя чувствую. Он хочет сказать: «Всё хорошо. Очень хорошо...» – но не может произнести ни слова, нет сил шевельнуться.

– Приоритет номер один – поддержать объем циркулирующей крови! – гаркает новый голос совсем рядом с ним. – Долой трубки! Дайте мне перфузионный насос!

В этом голосе звучит тревога. *Все хорошо. Уверяю вас, я хорошо себя чувствую. Я никогда не чувствовал себя лучше.* И вдруг странное ощущение: он парит над собственным телом. Лежит на воздухе, подвешен в пустоте. Они делают свое дело – методично, точно, дисциплинированно. *Другой он лежит внизу. Господи, ты жутко выглядишь! Как покойник!* Боли нет. Им владеет небывалый внутренний покой. Он любит этих людей. Всех.

Он и это хотел бы сказать. Объясниться в любви. *Вы важны для меня – все, даже незнакомцы.* Почему у него никогда не получалось признаваться в любви тем, кого он действительно

³¹ Время восстановления цвета кожи в точке давления и удержания мякоти пальца или ногтя в течение 5–10 секунд позволяет дать оценку состояния кровообращения. Измеряется время, за которое отбеленная кожа возвращается к исходному цвету. Норма – менее 2 секунд. Более 3 секунд – угроза остановки кровообращения, один из признаков терминального состояния.

³² Оба покончили с собой.

любит? А теперь слишком поздно. Слишком поздно. Хорошо бы Марго была здесь. И Александра. И Шарлен. И Марианна... В него как будто воткнули пику, как в быка на корриде. *Марианна...* Где она? ³³ Что с ней случилось? Она жива или умерла? Неужели он умрет, так и не узнав ответа на главный вопрос?

– Начинаем! – скомандовал голос. – На счет «три»: раз... два...

* * *

В реанимобиле он начинает *уходить*, и над ним склоняется фельдшер с крашеными волосами. Его изрытое морщинами лицо составляет странный контраст с блондинистыми прядями. Сервас смотрит на него сверху, будто влипнув спиной в потолок. Другое *я* лежит на каталке с иглой в вене, с кислородной маской на лице, а медработник продолжает докладывать диспетчеру. Сколько ему лет? *Перестань думать об имидже!* – командует он себе. – *Есть вещи поважнее жизни.* Например, признаться в любви любимым людям. *Где Марианна?* – снова и снова спрашивает он себя.

Она жива или умерла? Ничего, скоро узнаю...

Иногда – вот как сейчас – он полностью отключается. Нет никаких сомнений – начинается его Большое Путешествие. *Я хорошо себя чувствую. Я очень хорошо себя чувствую. Расслабьтесь, парни, я готов.* Дверцы машины распахиваются.

Больница.

* * *

Третий оперблок!

Гемостаз! ³⁴

Нужно обеспечить гемостаз!

* * *

Щелчки. Голос. Мелькание неоновых огней под ресницами. Коридоры... Он слышит скрип колесиков по полу... Хлопают двери... Запах этанола... Глаза у него полуприкрыты. Считается, что он не видит: *кома второй степени* – так сказал кто-то в какой-то момент. Считается, что он не может слышать. Возможно, он грезит? Кто знает? Но разве можно нафантазировать слова вроде *гемостаза* – слова, которых никогда прежде не слышал, но смысл их понимаешь очень точно? Нужно будет выяснить. Потом.

Профессиональная деформация. Он улыбается – разумеется, мысленно.

Он переходит из состояния перемежающейся ясности сознания и полнейшей затуманенности мозгов. Вдруг догадывается, что над ним склонилось много людей в голубых шапочках и халатах. Взгляды... Все они сконцентрированы на нем, как лучи линзы.

– Мне нужен детальный отчет о повреждениях. И что там с эритроцитами, тромбоцитами, плазмой?

Его поднимают, осторожно перекладывают. Он снова застревает в тумане.

– Приготовьте инструменты для левосторонней боковой торакотомии ³⁵.

³³ Об этом рассказывается в романе Б. Миньера «Круг».

³⁴ Система гемостаза поддерживает кровь внутри сосудов в жидком состоянии, реагирует на повреждения и запускает механизмы остановки кровотечения. Нарушение работы системы ведет к опасным осложнениям, которые для некоторых пациентов заканчиваются трагически.

³⁵ Торакотомия – хирургическая операция, заключающаяся во вскрытии грудной клетки через грудную стенку для обследования

Он выныривает последний раз. Лучик света перемещается от одного глаза к другому.

– Зрачки не реагируют. На боль реакции тоже нет.

– Где анестезиолог?

На лицо лапой гризли снова плюхается маска. Чей-то голос звучит громче остальных.

– Начали!

Внезапно появляется длинный туннель наверх. *Как в той чертовой картине Иеронима Босха – не помню название* ³⁶. Он входит в туннель. Что за дела? Он... *летит*. Летит к свету. *Черт, куда меня несет? Чем он ближе, тем свет... сильнее СВЕРКАЕТ. Никогда такого не видел.*

* * *

Что я такое?

Он лежит на операционном столе, но и перемещается в ярко освещенном изумительном пейзаже. Как это возможно? От красоты перехватывает дыхание (*ха-ха! хорошая шутка, старина!* – он думает о кислородной маске). Он видит вдалеке голубые горы, безоблачное небо, холмы. И СВЕТ. Много света. Сверкает, переливается, струится. Великолепный, осязаемый. Он знает, где находится, – по соседству со смертью, может, даже по ту сторону, – но не чувствует страха.

Все прекрасно, светло, волшебю. *Притягательно.*

Он находится на господствующей высоте над холмами. Отливающие серебром реки повторяют причуды рельефа. Метрах в пятистах внизу прямо к нему от горизонта течет река. Он идет по дороге, и чем ниже спускается, тем необычней выглядит река. Она невообразимо прекрасна! Это самая чудесная река на свете! Он приближается, его сознание расширяется, и истина проявляется во всем своем величии и простоте: река состоит из людей, идущих плечом к плечу. Это река человечества – прошлого, настоящего и будущего...

Сотни, тысячи, миллионы, миллиарды человеческих существ...

Последние сто метров он преодолевает бегом и, присоединившись к огромной толпе, чувствует такую любовь, которую невозможно описать словами. Он рыдает, осознавая, что ни разу не был так счастлив. Не был в мире с собой и окружающими. Никогда жизнь не была слаще и пленительней. Никогда другие не любили его сильнее. Эта любовь пропитывает все его существо.

(Жизнь? – Голос звучит диссонансом. – Разве ты не видишь, что и этот свет, и эта любовь есть смерть?)

Он спрашивает себя, откуда взялся этот неожиданный нестройный аккорд – такой же мощный, как тот, что звучит в конце адажио 10-й симфонии Малера.

На границе поля его зрения находится человек. Женщина. В течение бесконечно долгой секунды он не может вспомнить, как ее зовут. Как зовут эту красавицу с удрученным лицом. Ей года двадцать два – двадцать три. Потом туман рассеивается, и сознание проясняется. Марго. Это его дочь. Когда она прилетела? Марго должна быть в Квебеке.

Марго плачет. Сидит у его кровати с лицом, мокрым от слез. Он может чувствовать мысли дочери, знает, как она несчастна, и ему вдруг становится стыдно.

Он осознает, что находится в палате.

Реанимация, – думает он. Отделение интенсивной терапии.

дования содержимого плевральной полости или выполнения хирургических вмешательств на легких, сердце или других органах, расположенных в грудной клетке.

³⁶ Сервас имеет в виду картину «Вознесение праведников» – часть полиптиха «Видения потустороннего мира» (1500–1504).

Открывается дверь, входят врач в белом халате и медсестра. Доктор с серьезным лицом поворачивается к Марго, и Сервасом на секунду овладевает паника. Сейчас этот человек скажет: «Ваш отец умер...»

Нет, нет, я не умер! Не слушай его!

– Кома, – сообщает хирург.

Марго задает вопросы.

Он не видит ее и не всё слышит, но различает знакомые сигналы в голосе дочери. Доктор намеренно использует тарабарскую медицинскую лексику, и Марго нервничает. Говорит: «Объясните по-человечески!» Эскулап отвечает со смесью профессионального сочувствия, высокомерия и снисходительности, которые так хорошо известны Сервасу по совместной работе с разными медиками. А Марго, его дорогая девочка, заводится, злится.

Давай, – думает он. – Сбей с него спесь!

В конце концов хирург меняет тон, изъясняется понятными словами.

Эй вы, я здесь! – хочет крикнуть он. – *Эй, посмотрите сюда! Вы обо мне беседуете!* Увы, трубка в горле не дает вымолвить ни слова.

* * *

– Ты меня слышишь?

Он не помнит, куда удалялся и сколько времени отсутствовал. У него есть смутное чувство, что он снова обрел свет и человеческую реку, но полной уверенности нет. В любом случае это больничная палата. Вот потолок с коричневым пятном в форме Африки.

– Ты меня слышишь?

Да, да, слышу.

– ПАПА, ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?

Ему хочется взять ее за руку, подать знак, любой – взмахнуть ресницами, шевельнуть пальцем, издать звук, – лишь бы она поняла; но безжизненное, подобное саркофагу тело держит его в плену.

Он не способен вспомнить, куда исчез мгновение назад. Это его волнует. Свет, люди, пейзаж... Они *реальны*? Казались дьявольски, потрясающе, грубо реальными.

Марго что-то говорит – *ему* говорит, и он заставляет себя слушать.

Какая же ты красивая, детка, – думает он, глядя на склонившееся к нему лицо девушки.

* * *

У него появляются свои ориентиры. В реанимации есть другие палаты и пациенты: иногда они зовут сестричек или дают на грушу вызова, и по всему отделению разносится пронзительный звонок.

Он слышит, как торопятся мимо открытой двери санитарки, как тоскливо бормочут что-то посетители. Звуки прорываются сквозь туман. В моменты прояснения приходит осознание важного обстоятельства: он находится в центре паутины из трубок, бандажей, проводов, электродов, насосов, а справа шумно *двигает* машина. Очень скоро он окрестит ее *машиной-паучихой*, орудием современной магии, пленившей его колдовством, наведенной порчей. Худшее наказание – силиконовая трубка в горле. Он беспомощен, обездвижен, безоружен, похож на мертвеца.

Может, он и вправду... мертв?

Когда наступает вечер и из палаты все уходят, мертвецы занимают место живых...

* * *

По ночам в отделении царит тишина. И вдруг... Они тут. Отец спрашивает:

– *Помнишь дядю Ференца?*

Ференц был мамин брат. Поэт.

Папа утверждал, что брат с сестрой так сильно любят французский язык, потому что родились в Венгрии.

Ты умрешь, – просто и нежно сообщает отец. – Присоединишься к нам. Все не так ужасно, сам увидишь. Тебе будет хорошо.

Сервас смотрит на них. Ночью, в видениях, он легко вертит головой. Они в палате повсюду: стоят вдоль стен, у двери, окна, сидят на стульях и на краешке кровати. Он знает каждого, в том числе красивую пышногрудую брюнетку тетю Сезарину. В пятнадцать лет он был в нее влюблен.

Пойдем, – зовет она.

Здесь Матиас, его кузен, умерший в двенадцать лет от лейкемии. Преподавательница французского мадам Гарсон – в четвертом классе она зачитывала вслух его сочинения. Эрик Ломбар, миллиардер, погибший под лавиной, любитель лошадей. Астронавт Мила, вскрывшая вены в ванне (в ту ночь рядом с ней точно кто-то стоял, но Мартен отказался *копать* в этом направлении ³⁷). И Малер собственной персоной – великий Малер, гений с усталым лицом, в пенсне и странной шляпе, он говорит с ним о проклятии цифры «9»: *Бетховен, Брукнер, Шуберт... все умерли, сочинив девятую симфонию... вот я и перешел от 8-й сразу к 10-й... Хотел обхитрить Бога – глупый гордец! – но не вышло...*

Они появляются, и его обволакивает любовь. Он ни за что не поверил бы, что такая любовь – не выдумка. Это начинает казаться ему подозрительным. Он знает, что им нужно, но не готов уйти. Его час не пробил. Он пытается объяснить, но они не желают слушать. От них исходят нежность и вселенская доброта. Да, там, откуда они являются, трава зеленее, небо божественно синее, а свет такой яркий, что не описать словами, но он останется с Марго.

* * *

Одним прекрасным утром заявляется Самира в странноватом прикиде. Она наклоняется совсем близко, и он различает череп на груди и голову в капюшоне. Полсекунды уходит на узнавание ее жуткого лица. Уродство Самиры трудно определить словами, оно заключается в мелких деталях: нос слишком короткий, глаза навывкате, рот уж очень большой для женщины, общая асимметрия черт... Самира Чэн – лучший, наряду с Венсаном, член группы Серваса.

– Боже, патрон, видели бы вы сейчас свою башку...

Он хочет улыбнуться, и губы мысленно растягиваются. Типичная Самира... Упорно зовет его *патрон*, хотя он миллион раз просил: «Не выставляй меня на посмешище!» Самира обходит кровать и исчезает из поля его зрения, отдергивает штору, и Мартен рассеянно отмечает, что у нее по-прежнему *лучшая задница* в бригаде.

Таков парадокс Самиры. Идеальное тело и неповторимо уродливое лицо. Он что, сексист? Не исключено. Между прочим, она и сама любит комментировать анатомические *подробности* мужчин, с которыми встречается.

³⁷ См. романы Б. Миньера «Лед» и «Не гаси свет».

– ...хороши сестрички?.. небось воображаете их голыми под халатиками, а, патрон? ... приду завтра... патрон... заметано.

* * *

Проходят дни. И ночи. Он нестабилен. Настроение меняется. Утром, в реанимации, покой и умиротворенность, ночами беспокойство. Он не знает, сколько прошло дней и ночей, потому что времени здесь не существует и отмерять его можно только по приходам медсестер.

Он ясно осознает их всевластие. Они всемогущи, в данный момент – важнее самого господ. Эти женщины компетентны, преданны своему делу, педантичны, *перегружены* работой и дают ему это почувствовать – жестами, тоном, произносимыми словами. Во всем, что говорят медсестры, заключен один-единственный смысл: «Ты тяжело болен и полностью зависим от нас».

Другое утро, другой посетитель. Два размытых пятна лиц у кровати. Марго и... Александра. Надо же, его бывшая жена соизволила появиться. У нее красные глаза. Она печалится? После развода у них возникли разногласия, но они их быстро уладили – помогли общие воспоминания о прежних счастливых временах, о детстве Марго. С тех пор Александра сильно раздобрела, и он – со скрытым злорадством – говорит себе, что мужчины стареют красивее женщин. (Ха-ха-ха! Особенно он хорош сейчас, со всей этой машинерией на нем, под ним, из него, рядом и в ногах!)

* * *

– ...говорят, что ты ничего не слышишь, – задумчиво произносит сидящий на стуле Венсан.

Они в палате одни, дверь, как всегда, открыта.

Лейтенант встает, подходит к кровати, надевает на патрона наушники.

И... О боже! Эта музыка! Эта тема – лучшая из всего сочиненного в мире! Волнение, пролитая кровь, слова любви! Малер... Его любимый Малер... Почему раньше никто не догадался? Сервасу кажется, что по его лицу текут слезы, но в глазах склонившегося над ним замесителя – тот жадно караулит малейшее проявление эмоций – одно лишь разочарование. Лейтенант забирает наушники, снова садится.

А Мартену хочется крикнуть: *Еще! Еще! Я плакал!* – но кричит только его внутренний голос.

Еще одна ночь. Снова пришел отец. Устроился на стуле. Читает вслух книгу. Как в детстве. Сервас узнаёт отрывок:

Сквайр Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать все, что я знаю об острове Сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю, с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова. Указывать, где лежит этот остров, в настоящее время еще невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которые мы не вывезли. И вот в нынешнем, 17... году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда у моего отца был трактир «Адмирал Бенбоу» и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке³⁸.

Что скажешь, сынок? Не похоже на твое обычное чтение?

³⁸ Роберт Льюис Стивенсон «Остров Сокровищ», пер. с англ. Н. К. Чуковского.

Отец наверняка намекает на многочисленные научно-фантастические романы, которые он так любит, или на рабочие документы. На память вдруг приходит другой – пугающий – текст, прочитанный лет в двенадцать-тринадцать:

«Ужас и омерзение достигли во мне и в Герберте Уэсте невыносимой силы. Еще и сегодня вечером я вздрагиваю, вспоминая, как услышал из-под бинтов голос Уэста. Произнесенная им фраза была воистину пугающая:

– *Черт побери, он не был совершенно достаточно свеж*»³⁹.

Почему это воспоминание всплыло на поверхность именно сейчас? Да потому, что этим вечером, как и во все другие вечера, он покрывается мурашками, чуя *Ее* присутствие во всех темных углах и закоулках: она дала о себе знать в том мрачном доме близ железной дороги, на улице Паради; последовала за ним, как проклятие из фильма ужасов.

Черт побери, – должно быть, говорит она себе, – *он еще не совсем готов...*

³⁹ «Герберт Уэст – воскреситель мертвых» – рассказ американского писателя Г. Лавкрафта (1922).

6. Пробуждение

ОН ОТКРЫЛ ГЛАЗА.

Моргнул.

Ресницы шевельнулись... На сей раз – наяву. Его веки и вправду дрогнули. Дежурная медсестра стояла спиной к кровати и читала назначения. Белый халат обтягивал широкие плечи и могучие бедра.

– Сейчас возьму у вас кровь на анализ, – сообщила женщина, не ожидая ответа.

– Ммммм...

Она обернулась. Посмотрела на пациента. Он моргнул. Она нахмурилась. Он моргнул еще раз.

– Вот черт!.. Вы меня слышите?

– Ммммм...

– Черт-черт-черт...

Медсестра так стремительно покинула палату, что нейлоновые чулки звучно скрипнули, а уже через пару секунд она вернулась с интерном. Незнакомое лицо. Очки в стальной оправе. Мягкая щетина на подбородке. Подошел. Наклонился. Очень близко. Лицо крупным планом, как в кино. Запах табака и кофе.

– Вы меня слышите?

Мартен кивнул. Движение острой болью отозвалось в шейных позвонках.

– Ммммм...

– Я доктор Кавалли, – представился молодой врач, беря левую руку больного. – Если понимаете, что я говорю, сожмите мне ладонь.

Сервас сжал. Слабо. Доктор улыбнулся. Переглянулся с медсестрой.

– Позовите доктора Кашуа. Пусть немедленно идет сюда. – Достал из нагрудного кармана ручку. – Следите только глазами, головой не крутите.

Сервас выполнил команду.

– Гениально! Сейчас я выну трубку и дам вам воды. Не шевелитесь. Если поняли, подайте знак.

Сервас сжал пальцы.

* * *

Он опять проснулся. Открыл глаза. Увидел лицо Марго. Она плакала, но это были слезы счастья.

– Ох, папа... наконец-то! Ты меня слышишь?

– Конечно.

Он взял дочь за руку. Ее ладонь была горячая и сухая, его – холодная и влажная.

– Господи, папа, как же я рада!

– Я тоже, я... – Он попробовал откашляться, и ему показалось, что в горло напихали стекловаты. – Я... очень... рад, что ты здесь...

Ему удалось произнести эту фразу почти на едином дыхании. Он потянулся к стакану.

Марго поднесла воду к запекшимся губам отца, сдерживаясь, чтобы не заплакать. Сервас посмотрел на дочь.

– Ты... давно ты здесь?

– В этой палате или в Тулузе? Несколько дней...

– А как же твоя работа в Квебеке? – спросил Сервас.

За несколько последних лет Марго пробовала себя тут и там и наконец осела в одном небольшом издательстве. Ей поручили зарубежный сектор. Сервас дважды навещал дочь в Канаде, и каждый раз с трудом переносил полет.

– Взяла отпуск за свой счет. Не волнуйся. Все улажено. Гениально, что ты *очнулся*, папа...

Гениально. То же слово использовал интерн. *Моя жизнь гениальна. Это гениальный фильм. Все гениально, повсюду и всегда.*

– Я тебя люблю, детка. Это ты у меня гений.

Почему он так сказал? Марго изумилась. Покраснела.

– Я тоже тебя люблю... Помнишь наш разговор в больнице, куда ты попал после лавины?

– Нет.

– Я сказала: «Никогда больше так со мной не поступай».

И Сервас вспомнил. Зима 2008/2009-го. Погоня в горах на снежокатах и лавина. Марго у его изголовья.

Он улыбкой попросил у дочери прощения.

* * *

– Черт, патрон, ну и напугали же вы нас!

Он завтракал – ужасный кофе, тосты, клубничный конфитюр плюс лекарства – и читал газету, сидя в подушках, когда примчалась Самира, а следом за ней Венсан. Пришлось бросить на середине статью о том, что Тулуза каждый год принимает 19 000 новых жителей и через десять лет обгонит Лион, что в городе учатся 95 789 студентов, работают 12 000 исследователей и что он связан рейсами из своего аэропорта с 43 европейскими городами, а в Париж самолеты вылетают 30 раз в день. Но – ложка дегтя в бочке меда – между 2005-м и 2011-м численность тулузской и национальной полиции постоянно уменьшалась по сугубо бюджетным причинам, и эта драматичная ситуация так и не выровнялась. В 2014-м пришлось даже отказаться от технического переобучения некоторого числа полицейских, служащих в уголовной полиции. События 13 ноября 2015 года в Париже радикально изменили расклад. Полиция и судебная система неожиданно стали *приоритетно значимыми*, процедуры упростились, а ночные обыски снова были «в законе» (Сервас никогда не мог понять, почему нельзя задерживать опасного субъекта до 6 утра, – это же не война, когда обе стороны каждую ночь объявляют перемирие и ни одна сторона его не нарушает.) Дебаты об ограничении гражданских свобод и уместности их отсрочки, конечно же, оживились, но в демократической стране так и должно быть.

Сервас раздраженно отбросил газету. Самира в черной косухе с молниями и пряжками безостановочно моталась вокруг кровати. Венсан был в тельняшке, джинсах и серой суконной куртке. Внешне оба напоминали кого угодно, только не полицейских. Эсперандье достал телефон, приготовился снимать, и Сервас грозно произнес по слогам:

– Ни-ка-ких фо-то-гра-фий!

Он бросил взгляд на лекарства на тумбочке: два болеутоляющих препарата, один противовоспалительный. «Маленькие пилюли самые опасные», – решил он.

– Даже карточку на память не разрешишь сделать?

– Ммммм...

– Когда выписываетесь, патрон? – спросила Самира.

– Хватит называть меня патроном, это просто смешно.

– Ладно.

– Насчет выписки не знаю... Зависит от анализов и обследований.

– А потом что? Предпишут отдых и восстановление?

– Ответ тот же.

– Вы нужны в бригаде, патрон.

Мартен вздохнул. Помолчал. Потом его лицо просветлело, и он сказал с железной уверенностью в голосе:

– Знаешь что, Самира? Вы прекрасно справитесь без меня.

Затем открыл газету и углубился в чтение.

– Может, и так... Но все равно... патрон... я... схожу за кока-колой... – Она выскочила за дверь, и пятнадцатисантиметровые каблуки зацокали по коридору.

– Она не выносит больницы, – объяснил Венсан извиняющимся тоном. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

– Нормально – или на самом деле нормально?

– Я готов действовать.

– То есть готов к работе?

– К чему же еще?

Эсперандье вздохнул и упрямо насупился; вечно непослушная прядь волос упала ему на лоб, придав сходство с лицеистом.

– Прекрати, Мартен, это не шутки. Еще несколько дней назад ты валялся в коме и никак не можешь быть в форме! Да ты из кровати-то не вылез! И перенес операцию на сердце...

Кто-то деликатно постучал в дверь, Сервас повернул голову, и у него перехватило дыхание: на пороге стояла Шарлен, красавица-жена его заместителя. Длинные рыжие, как осенняя листва, волосы падали на белый мех широкого воротника, молочно-белая кожа сияла, зеленые глаза сулили райское блаженство каждому мужчине.

Шарлен склонилась над Сервасом, и он возбудился, как это всегда случалось в ее присутствии.

Он знал, что она знает. Знает, как сильно он ее хочет. И не он один.

Она провела ногтем по щеке Серваса, улыбнулась и сказала:

– Я рада, Мартен.

Только и всего. *Я рада*. И ведь она абсолютно искренна.

* * *

В следующие дни в больнице у Серваса перебивали все члены группы, большинство сотрудников бригады уголовного розыска, отдела по борьбе с наркотиками, полицейского отряда по борьбе с бандитизмом, Главного управления и даже службы экспертно-криминалистического учета. Из *чуждого* он стал *чуждом исцеленным*. Получил пулю в сердце – и выжил. Все тулузские полицейские надеялись, что однажды им тоже выпадет такой вот единственный шанс, и считали посещение коллеги своего рода паломничеством, актом почти религиозного поклонения. Все хотели увидеть вернувшегося с *той стороны*, прикоснуться к нему, услышать свидетельство из первых уст. Каждый жаждал подцепить частичку его форта.

Во второй половине дня появился даже директор полиции Стелен.

– Господи, Мартен, с тобой случилось истинное чудо!

– Шестьдесят процентов людей, раненных в сердце, умирают на месте, – *успокоил* его Сервас. – Но восемьдесят процентов из тех, кого довели до больницы, выживают. Смертность от огнестрельной раны в четыре раза выше, чем от раны, нанесенной холодным оружием... Чаще всего пули попадают в правый желудочек, левый желудочек, предсердие... Легкое оружие менее точное, пули после попадания имеют тенденцию смещаться; пули с полостью в носике и пули с мягким носом раскрываются при попадании, разрывая ткани жертвы и расширяя пулевой канал. Воздействие крупной дроби зависит от расстояния: с трех метров поражения кучные и более тяжелые, с десяти – веерные.

Стелен изумленно выслушал краткую лекцию и улыбнулся. Мартен, как всегда, досконально изучил тему – а может, *пытал* докторов, пока те не сознались.

– Этот тип... Жансан... Он умер? – поинтересовался Сервас.

– Нет, – ответил дивизионный комиссар, вешая серый мундир на спинку стула. – Его лечили в ожоговом отделении, а теперь заново учат жить в специализированном центре.

– Ты серьезно? Значит, он на свободе?

– Мартен, его оправдали – и по изнасилованиям, и по убийству бегуны...

Сервас отвернулся к окну: небо над плоскими крышами больничных корпусов хмурилось и корчило гримасы.

– Он – убийца.

Сказал, как припечатал.

– Виновного арестовали. Он сознался. Против него есть стопудовые улики. Жансан невиновен.

– Не совсем. – Мартен бросил в стакан с водой горькую таблетку обезболивающего, выпил залпом и пояснил: – *Он убил кое-кого еще...*

– О чем ты?

– Он убил женщину в Монтобане.

Стелен нахмурился. За годы совместной работы он научился доверять чутью майора Серваса, но хотел услышать доводы.

– С чего ты взял?

– Как вы поступили со старухой-матерью и кошачьим выводком?

– Она в больнице, хвостатых отдали на попечение защитникам животных.

– Звоните им, немедленно! Выясните, у них ли еще молодой белый одноухий котик или его кому-нибудь отдали. Проверьте, где был Жансан в момент нападения в Монтобане. И не находился ли его мобильный в той же зоне в тот же период времени.

Сервас описал Стелену их визит в дом Жансана, котенка под ларем и реакцию преступника на короткую, произнесенную тихим голосом фразу: «Он не твой...» – об этом самом малыше.

– Молодой белый котик, – повторил дивизионный комиссар, не скрывая иронии.

– Именно так.

– Мартен, ты уверен в том, что видел? Я хочу сказать... Дьявольщина! Ты ведь не хочешь, чтобы мы арестовали человека только потому, что ты видел в его доме кота?

– А почему нет?

– Ни один судья не выпишет ордер, это ты понимаешь?!

– Может, получится задержать его на трое суток?

– Да на каком основании? Адвокат мерзавца нам и так житья не дает...

– В каком смысле?

Стелен ходил по палате, как всегда делал в своем огромном кабинете, все время на что-нибудь натыкался и рычал: «Дьявольщина!» Это было его излюбленное ругательство, и он пускал его в ход даже в тех случаях, когда *нормальные* люди выражались покрепче.

– Жансан утверждает, что ты гнался за ним с пушкой в руке и заставил подняться на крышу поезда, заведомо зная об опасности удара током. «Легавые сделали всё, чтобы я сдох...» Вот как он трактует случившееся.

– Током эту тварьшибануло, – подтвердил Сервас, – но он оказался на редкость живучим.

Ему показалось, что швы натянулись, и он коснулся их ладонью. Во время операции ему распилили грудину, и пройдут недели, прежде чем кости срастутся. А пока ему ничего нельзя поднимать и не следует размахивать руками.

– Всё так, но адвокат талдычит о *преступном умысле* и *начале правонарушения*, заключающегося в действиях, имеющих непосредственное отношение к совершению преступления.

– Какого именно преступления?

– Покушения на убийство...

– Что-что?

– Ты якобы пытался убить его электричеством! Шел дождь, ты не мог не видеть таблички с предупреждением на воротах, но все-таки преследовал Жансана и загнал на вагон, угрожая пистолетом... – Стелен всплеснул руками. – Да знаю я, знаю, что это полный бред, ведь у тебя и оружия не было. Но крюкотвор хорошо натаскал сволочугу, и тот нагло врет, не боясь греха, а мы сейчас должны быть очень аккуратны и не подливать масла в огонь.

– Жансан – убийца.

– Есть доказательства – кроме кота?

7. Сефар

– НИКТО БОЛЬШЕ не принимает всерьез свидетельства о случаях околосмертных переживаний ⁴⁰, – сказал доктор Ксавье. – В отличие от реальности жизни после жизни. Те, кто, подобно вам, соприкоснулись со смертью, по определению не мертвы. Поскольку вы здесь.

Психиатр улыбнулся, растянув губы, обрамленные седеющей бородой, что подразумевало: «И все мы очень этому рады!»

События зимы 2008/2009-го изменили доктора не только психологически, но и физически. Когда они с Сервасом познакомились, Ксавье руководил Институтом Варнье, был манерным конформистом, красил волосы и носил пижонские очки в красной оправе.

– Все околосмертные переживания могут объясняться дисфункцией мозга, неврологическим коррелятом.

Коррелят. Сервас мысленно посмаковал слово. Толика педантизма всегда помогала психиатру утвердить свое превосходство: со времен Мольера врачи не изменились. Ксавье остался прежним. И все-таки стал другим человеком. На лбу и в уголках потускневших глаз появились морщинки. Он сохранил вкус к умным словам, но использовал их реже. Между ним и майором завязалась настоящая дружба. После пожара в институте доктор открыл кабинет в Сен-Мартен-де-Комменже, всего в нескольких километрах от развалин своей бывшей вотчины. Два-три раза в год Сервас приезжал повидаться. Они совершали долгие пешие прогулки в горы, по обоюдному согласию никогда не ворошили прошлое, но оно витало над всеми их беседами, как тень горы, нависающая над городом ровно в 16:00.

– Вы были в коме. Исследователям, работающим в области наук о нервной системе, удалось спровоцировать у здоровых людей то самое состояние отделения от тела, которое вы описываете. Перед операцией они стимулировали разные отделы головного мозга и получали требуемый результат. А пресловутый *туннель* – следствие недостаточной ирригации мозга, что приводит к гиперактивности в зрительных зонах коры. Именно она создает интенсивный фронтальный свет, приводит к потере периферийного зрения и возникает так называемое туннельное видение.

– А откуда берется ощущение полноты жизни и безусловной любви? – спросил Сервас, нисколько не сомневаясь, что психиатр выдаст объяснение, как фокусник, достающий кролика из цилиндра на глазах у изумленной публики.

Эй, куда подевалось твое рациональное видение мира? Ты же агностик и никогда не верил ни в маленьких зеленых человечков, ни в передачу мыслей на расстоянии.

– Все дело в гормонах, происходит выброс эндорфинов, – пояснил Ксавье. – В девяностых годах двадцатого века немецкие ученые, изучавшие феномен синкопы, обнаружили, что после потери сознания многие пациенты чувствовали себя изумительно хорошо, видели сцены из прошлого и себя над собственными телами.

Сервас обвел взглядом комнату: элегантная мебель, стратегически точно расставленные лампы. Окна выходят на мощенную булыжником улицу и парикмахерский салон. Купленный доктором кабинет на втором этаже ратуши явно процветает, и зарабатывает Ксавье куда больше ста шестидесяти двух штатных психиатров Национальной полиции, которым не повышали зарплату с 1982-го по 2011-й, а потом пересчитали по минимуму. Впрочем, Сервас сам решил обратиться за помощью именно к нему.

⁴⁰ Околосмертные переживания (околосмертный опыт) – общее название различных субъективных переживаний человека, могущих возникать в ходе угрожающих жизни событий, после которых человек выжил; включают в себя ощущение выхода из физического тела, эйфорию, мистические видения, чувство исчезновения эго и выхода за пределы пространства и времени.

Он бегал от мозговедов, как от чумы, все четыре недели, когда считал Марианну мертвой, а потом все-таки загремел в центр реабилитации для впавших в депрессию легавых...

– А мертвые, которых я видел? Вся эта толпа?

– Ну, во-первых, не стоит забывать о вторичных эффектах наркотиков, которыми вас накачивали, – сначала анестезиолог, потом в реанимации. Во-вторых – сны. В них мы видим невероятные вещи, летаем, падаем со скалы и остаемся целыми и невредимыми, переносимся из одного места в другое, видим любимых покойников или людей, не знакомых друг с другом в реальной жизни.

– Это был не сон.

Психиатр проигнорировал реплику Серваса и продолжил излагать:

– Вам никогда не снилось, что вы талантливее и умнее, чем в реальной жизни? – Он сделал неопределенный жест рукой. – Бывает ли у вас во сне чувство, что вы знаете и понимаете больше, чем наяву? Что вы другой человек – более сильный, ловкий, одаренный, могущественный? А просыпаясь, ясно помните сон и удивляетесь его... *реальности*.

«Да. Конечно. Как у всех», – подумал Сервас. Когда он был студентом и пытался писать, сочинял во сне лучшие страницы, а проснувшись, смутно чувствовал, что эти слова, эти гениальные фразы действительно существовали в мозгу... несколько секунд, и бесился, что не может их вспомнить.

– Ну и как вы объясняете, что все пережившие околосмертный опыт – даже самые рациональные люди и закоренелые атеисты, – выходят из него изменившимися?

Психиатр обхватил тонкими пальцами колени.

– А были ли они такими уж неверующими? Насколько мне известно, не существует серьезного научного исследования о философских и религиозных допущениях таких людей до околосмертного опыта. Но я признаю, что перемена, наблюдаемая почти у всех, неоспорима. Исключение – по обычной квоте – составляют мифоманы и оригиналы. Они звонят на полицейский коммутатор, чтобы возвести на себя напраслину, а потом провести несколько платных пресс-конференций (я стерплю, если меня обвинят в мизантропии!). Есть заслуживающие доверия свидетельства видных деятелей – их честность никто не ставит под сомнение – об этих... радикальных изменениях личности и системы ценностей после комы или клинической смерти...

«Эту речь должен был бы произнести я, – подумал Сервас. – Раньше я так и поступил бы. Что со мной происходит?»

– Потому-то и следует в обязательном порядке выслушивать все свидетельства, – промурлыкал психиатр (и Сервас подумал о Раминагробисе ⁴¹, уютно свернувшимся клубком в кресле). – Нельзя вести себя высокомерно, просто пожать плечами и отойти в сторону. Я догадываюсь, через что вы проходите, Мартен. Не имеет значения, существуют объяснения или нет, важно одно – *что* этот опыт изменил в вас.

Луч бледного осеннего солнца проник через оконное стекло и приласкал букет в китайской вазе. Сервас не мог отвести глаз от цветов. Ему вдруг захотелось плакать.

Мимо дома прошли люди в вязаных шапочках с лыжами на плече.

– Вы *вернулись*, и все изменилось. Это тяжело. Трудно. Реальная жизнь находится в противофазе с тем, что вы увидели *там*. Придется искать новый путь. Вы обсуждали проблему с близкими?

– Пока нет.

– Есть человек, с которым вы можете поговорить?

– Дочь.

– Попробуйте. Если понадобится, пришлите ее ко мне.

⁴¹ Хитрый хищный кот, персонаж басни Лафонтена «Кот, ласка и кролик».

– Я не первооткрыватель потустороннего... мира; и последним тоже не буду.

– Конечно, но мы говорим о вас. Раз вы здесь, значит, это важно.

Сервас не ответил.

– Вы стали объектом серьезнейшей пертурбации, пережили потрясающий, исключительный опыт, который кардинально изменит вашу личность. Вам кажется, что вы обрели знание, о котором не просили. В некотором смысле оно свалилось вам на голову и без последствий не обойдется. Я помогу... У меня были пациенты с подобной проблемой, ничего – разобрались. Вы почувствуете себя живее, пронизательнее, внимательнее к окружающим; прежние навыки вернутся – и покажутся лишенными смысла; все материальное утратит значение. Вам захочется объясняться людям в любви, но они не поймут случившегося и не оценят чистоты намерений. Так часто бывает... Вы впадете в эйфорию, ощутите жадное желание жить, но будете очень уязвимы и можете *вплыть* в депрессию.

Коротышка-доктор ослабил узел галстука от Эрменеджильдо Зеньи, надел куртку, застегнул пуговицы. В нем не было ничего хрупкого, и ему не грозили ни эйфория, ни депрессия.

– Но, как бы то ни было, вы здесь, среди нас, живой-здоровый. Полагаю, врачи настоятельно рекомендовали вам отдохнуть...

– Я хочу вернуться к работе...

– Прямо сейчас? Я думал, что вы... Приоритеты изменились?

– Думаю, у каждого в этом мире есть миссия. Моя – *ловить злых людей*, – ответил Сервас. Психиатр насупил брови.

– Миссия? Вы это серьезно?

Сыщик одарил его фирменной улыбкой № 3, означавшей: «Ага, купился!»

– Именно эти слова я и должен был произнести – по вашей логике, – если б верил, что вернулся из мира мертвых... Не волнуйтесь, доктор: я по-прежнему не верю в НЛО.

Врач ответил бледной улыбкой, но его взгляд стал цепко-сосредоточенным, как будто он внезапно вспомнил нечто важное.

– Вам знакомо плато Тассилин-Аджер? ⁴² – спросил он. – Это в алжирской Сахаре...

– Сефар... – откликнулся Сервас.

– Да, древнее поселение Сефар. Тридцать лет назад я побывал в этом уникальном месте. В двадцать два года мне открылось чудо – пятнадцать тысяч наскальных рисунков, лучшая и самая великая книга пустыни, запечатлевшая для грядущих поколений историю войн и цивилизаций, существовавших на рубеже неолита. В том числе трехметровую фреску, которую одни называют *Великим Марсианином*, другие – *Великим Богом Сефара*. Я и сегодня не знаю, что видел. Говорю как ученый...

* * *

Пять часов вечера.

Когда он покинул кабинет психиатра, на Сен-Мартен уже опускались сумерки. Улицы больше не наводили на него ужас. Раньше, при одной только мысли об опасностях, которые подстерегают всех полицейских в ночном городе, у него заходило сердце.

Этим вечером все было иначе. Город у него на глазах обрел старомодное обаяние курорта с лыжными базами в горах и памятью о былом величии, еще заметном в особняках, аллеях и садах. Слова, сказанные Ксавье, не до конца его убедили, но вернули к приземленным реалиям.

Он пошел к машине. Врачи совсем недавно разрешили ему вернуться за руль и рекомендовали ездить на короткие расстояния. Четыре часа туда-обратно Сервас отнес именно к

⁴² Тассилин-Аджер – «Плато рек», необычный национальный парк, расположенный в юго-восточной части Алжира. С 1982 г. находится в списке объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

такой категории. Он покинул Сен-Мартен и вскоре преодолел двадцать километров по течению Гаронны. Горная гряда постепенно понижалась в сторону долины, зажатой между Монтрежо и Тулузой. Сердце Мартена наполнилось детским восторгом перед вершинами, тонущими в синеголубой ночи, перед мерцающими огоньками деревень *на краю света*, нанизанными на дорогу, как бусины, перед лошадьми на туманном лугу. Да что там красоты природы – он умилялся даже забегаловке-стекляшке на обочине дороги.

Через полтора часа Сервас въехал в Тулузу через Пор-де-л'Амбушюр, промчался вдоль канала Святого Петра между домами из розового кирпича и пристроил «Вольво» на одном из верхних ярусов стоянки над рынком имени Виктора Гюго.

Он набрал код на двери подъезда и вдруг почувствовал, что реальный мир похож на сон. А то, что ему показали в больничной палате, – реальность.

Реанимация = реальность? – спросил он себя.

Мартен знал, что все увиденное во время комы навеяно химическими субстанциями, которые спровоцировали мозг, и тот пошел вразнос. Так откуда взялось чувство утраты? Зачем тосковать по состоянию блаженства, которое он ощущал там? Очнувшись, майор прочел несколько работ на тему. Как подчеркнул его психиатр, реальность и искренность свидетельств не подлежат сомнению. И все-таки Сервас не был готов принять за данность, что увиденное – не просто фантазмагория. Для этого он мыслил слишком рационально. А река из счастливых людей – абсурд по определению.

Мартен поднялся по ступенькам, вошел и увидел дочь. Марго была одета по-домашнему, в светлые джинсы и коричневый шерстяной свитер. Она посмотрела на него слишком уж ласково, как здоровый человек на страдальца, и ему захотелось сказать: «Ау, детка, я, вообще-то, не болен!» – но он сдержался.

На накрытом столе горели свечи. Из кухни пахло специями. Сервас сразу узнал музыку, звучавшую из стереосистемы. Малер... Внимательность Марго растрогала Мартена до слез, и она это заметила.

– Что случилось, папа?

– Ничего. Вкусно пахнет.

– Цыпленок *тандури из духовки* ⁴³. Предупреждаю – я не великая кулинарка.

Сервас снова сдержал чувства, не сказал: «Ты всегда была очень важна для меня, и я сожалею обо всех своих ошибках – вольных и невольных...» «Не форсируй события», – одернул он себя.

– Марго, я хотел бы извиниться за...

– Не стоит, папа. Тсс. Я знаю.

– Нет, не знаешь.

– Не знаю чего?

– Того, что я видел там.

– Где?

– Там... В коме...

– О чем ты говоришь?

– Я кое-что видел, пока был в коме.

– Мне это не нужно.

– Не хочешь послушать?

– Нет.

– Почему? Тебе неинтересно?

– Дело не в интересе. Просто не хочу... Мне от всех этих штук не по себе.

⁴³ Цыпленок тандури – популярное индийское блюдо пенджабского происхождения. Для блюда птицу, целиком или частями, маринуют в йогурте с добавлением специй, а затем запекают на большом огне в печи тандури.

Сервасу вдруг захотелось остаться одному. Дочь сказала, что взяла отпуск за свой счет и пробудет с ним сколько потребуется. Как понимать ее слова? Она останется на две недели? На месяц? На неопределенный срок? Когда он вернулся из больницы и впервые переступил порог своего кабинета, оказалось, что Марго навела там порядок, не спросив разрешения. Майор раздражился, но ничего не сказал. Так же она поступила с кухней, гостиной и ванной, и это ему тоже не понравилось.

Впрочем, недовольство быстро прошло... После выхода из больницы настроение у Мартена менялось по сто раз на дню: ему хотелось заключить окружающих в объятия и говорить, говорить, говорить с ними... А уже через секунду он мечтал укрыться в тишине и одиночестве, остаться наедине с собой.

Сейчас Сервас снова вспомнил неземной свет идущих по дороге людей, их безусловную, бескорыстную любовь, – и у него сладко заныло сердце.

* * *

Он держал таблетки в горсти и рассматривал их, большие и маленькие. Они вызывают тошноту, диарею, потливость. Или виновата кома? Он знал, что об этом следует сказать врачам, но они до смерти ему надоели. Два месяца по два раза в неделю Сервас встречался с кардиологами, диетологами, психологами, кинезитерапевтами, медсестрами и ужасно утомился от этого, с позволения сказать, общения. В конце концов, сердце ему не пересаживали, двойного стентирования не делали, ему не грозят ни рецидив, ни отторжение трансплантата. Он успешно справился с программой восстановления физической формы, ходил на сеансы дыхательной гимнастики; вторая кардиограмма *с нагрузкой* показала явное улучшение всех параметров.

Сервас разжал пальцы, пилюли покатались в раковину; он пустил холодную воду и проводил их взглядом. Больше никаких лекарств! Он пережил кому, побывал на другой стороне и не желал травить организм химией. Чтобы вернуться к работе, нужно снова стать сильным и забыть о шраме на груди.

Спать не хотелось. Через несколько часов он придет в комиссариат. Все будут глазеть, перешептываться у него за спиной, участливо заглядывать в лицо. Интересно, у него отнимут группу? Кто его заменял? До сегодняшнего дня ему на это было плевать. А хочет ли он вернуться к прежней жизни?

8. Ночной визит

Среди ночи он подъехал к дому и заглушил мотор. Света за ставнями не было ни в одном окне. На верху железнодорожной насыпи шли по рельсам поезда, замедляясь на стыках, раскачиваясь и позвякивая, и у Серваса каждый раз волоски на руках вставали дыбом.

Он сидел и смотрел на пустырь, склады, расписанные граффити, и большое отдельно стоящее здание.

С последнего раза ничего не изменилось. И в то же время изменилось все. *В нем самом.* Как в знаменитой фразе Гераклита: он перестал быть тем, кто побывал здесь два месяца назад. Интересно, коллеги завтра заметят произошедшие в нем перемены? Все-таки столько времени не виделись...

Он открыл дверцу и вышел.

Небо совершенно очистилось. Луи высохли. Лунный свет заливал пустырь. Вокруг царил тишина – если не считать далекого глухого бормотания города и поездных сигналов. Сервас огляделся. Он был один. Старое дерево все так же отбрасывало причудливую тень на фасад дома. Сыщик справился с нервами и толкнул заскрипевшую калитку. Где питбуль? Будка на месте, но цепь валяется на земле, как сброшенная змеей кожа. Пса, скорее всего, усыпили.

Сервас поднялся по аллейке к крыльцу и позвонил в дверь. По пустым комнатам разнеслось треньканье, но никто не подал голос, и он нажал на ручку. Заперто. Куда подевался Жансан? Стелен что-то говорил о санатории в курортном городе. Кроме шуток? Мерзавец, насильник и убийца наслаждается массажем и горячими источниками? Майор оглянулся. Никого. Он вытащил из кармана штук пять ключей, завернутых в промасленную тряпицу. Такими пользуются взломщики, если нужно справиться с цилиндрическим замком. Он собирается устроить «мексиканку» – так в полиции называют обыск без ордера. Ему не впервой – он уже занимался этим видом спорта в доме космонавта Леонара Фонтена. *Еще на работу не вышел, а уже закон нарушаю...*

С ржавым замком пришлось повозиться. Внутри все так же воняло кошачьей мочой, окурками и старостью. Лампочку в коридоре не заменили, пришлось искать другой выключатель. В комнате старухи тоже ничего не изменилось – она по-прежнему напоминала сырую пещеру. Подушки были разбросаны по кровати, штанга капельницы стояла в изголовье, как будто хозяйка собиралась на днях вернуться.

Мартен поежился.

Может, похожая на скелет старуха и вправду вернется, ведь ее мерзавец-сын на свободе?

Он перебрался в гостиную. Зачем? А бог его знает... Ладно, поищем улики. Сервас выдвинул ящики письменного стола, но обнаружил только какие-то бумаги и немного «травки» в кулке из фольги. Возможно, ответ найдется в компьютере, но он не такой умелец, как Венсан, а везти жесткий диск к технарям нельзя.

Майор решил попытать счастья, включил один агрегат, и тот тут же затребовал пароль. *Да провались ты...*

С улицы донесся шум двигателя.

Машина. Едет сюда. Остановилась. Хлопнули дверцы. Водитель запарковался на пустыре. Сервас ничего не мог разглядеть из-за закрытых ставен, но слышал мужские голоса. Один он узнал и напрягся – парень из уголовки. Кто-то решил возобновить расследование.

Мартен погасил свет и метнулся к задней двери, ударился в темноте коленом о комод и зашипел от боли. *Черт, заперто!* Времени возиться с замком нет. Он забежал в одну из комнат, зажег свет, открыл окно, распахнул ставни, перекинул ногу через подоконник и... замер. *Идиот, они наверняка записали номер твоей машины!*

Майор захлопнул створки и вернулся в гостиную. Услышал звонок в дверь, постарался успокоить бешеный стук сердца и приготовился бросить по-приятельски: «Привет, парни!»

У коллег не оказалось ни судебного постановления, ни ордера на обыск! Они уехали. Он выждал минут пять и покинул дом.

Кирстен и Мартен

9. Было еще темно

В понедельник утром, когда он поднялся из метро на станции «Каналь-дю-Миди», было еще темно. Пересек эспланаду и прошел мимо вахтенных в бронежилетах (после событий 13 ноября 2015 года в Париже ⁴⁴ они сторожили подступы к зданию). Жалобщики и просители еще не выстроились в хвост, но скоро появятся и они.

Город Тулуза плодил преступность, как поджелудочная железа – гормоны. Если университет был мозгом, ратуша – сердцем, а проспекты – артериями, то комиссариат полиции играл роль печени, почек и легких... Как и эти органы, он обеспечивал равновесие *организма*, отфильтровывал грязные элементы, устранял токсичные субстанции и временно складировал отдельные нечистоты. Но у комиссариата – как и у любого другого органа – случались *дисфункции*.

Не слишком уверенный в придуманной им самим аналогии, Сервас вышел из лифта на третьем этаже и свернул в директорский коридор. Стелен позвонил накануне – узнать, готов ли майор к работе. Позвонил в воскресенье. Сервас удивился. Он чувствовал, что готов вернуться на ринг, но знал, что придется скрывать некоторые произошедшие в нем перемены и ни с кем не обсуждать увиденное в коме. Незачем окружающим знать о странных скачках настроения, когда его бросало из эйфории в печаль и обратно. Нельзя разглашать слова кардиолога: *И речи быть не может! Сидите в кабинете, если не можете обойтись без полиции, но я запрещаю – слышите меня? – запрещаю вам участвовать в оперативной работе! Мы прооперировали ваше сердце два месяца назад, вы не забыли? Относитесь к нему очень нежно и бережно...*

И все-таки нетерпение дивизионного комиссара слегка удивило Мартена.

Запах кофе в пустынных коридорах; редкие, рано пришедшие или до сих пор не ушедшие с работы коллеги вели себя тихо, будто заключили негласный договор *не орать и не выражаться* в этот ранний час. Кое-где под дверями кабинетов виднелись полосы света, из открытого где-то окна доносился шум дождя. Все было в точности как два с половиной месяца назад, и все вернулось, словно он отсутствовал один день. Все было родным и знакомым, даже мусорные ящики, прикрепленные к стенам. В действительности это были кевларовые баллистические шахты: возвращаясь с задания, полицейские были обязаны вынимать магазин из оружия внутри этих самых *урн*. Правда, большинство сотрудников криминальной полиции все чаще игнорировали приказ вышестоящего начальства: то из одного, то из другого кабинета доносились щелчки затвора.

Сервас повернул направо, прошел через противопожарную дверь – она оставалась открытой зимой и летом, попал в приемную с кожаными диванами и постучал в двойную дверь директора.

– Войдите.

Он толкнул створку. Дивизионный комиссар ждал его не один. У большого письменного стола сидела незнакомая блондинка; обернувшись через плечо, она бросила на него оценивающий, профессиональный взгляд. Мартен почувствовал себя экспонатом анатомического театра. *Легавая*. Женщина не улыбалась, не пыталась выглядеть милой. Половина ее лица оставалась в тени, другая, освещенная лампой, выражала решимость, и Сервас даже спросил себя,

⁴⁴ Террористические акты в Париже и пригороде произошли поздно вечером в пятницу 13 ноября 2015 года. Почти одновременно было совершено несколько атак: взрывы возле стадиона «Стад де Франс» в Сен-Дени, расстрел посетителей нескольких ресторанов, а также бойня в концертном зале «Батаклан».

не переигрывает ли она. Слегка. Другая служба? Другая администрация? Таможня? Прокуратура? Новенькая? Стелен встал, блондинка последовала его примеру и поднялась, обернув узкую юбку. На ней были темно-синий костюм, белая блузка с перламутровыми пуговицами, серый шарф и черные лаковые туфли на шпильках. Черное пальто с крупными пуговицами висело на спинке соседнего стула.

– Как самочувствие? – поинтересовался комиссар. Он обогнул стол и большой сейф, где держал папки с «деликатными» делами, и продолжил дружеский допрос, упираясь взглядом в грудь Сервасу: – Готов к бою? Что сказали врачи?

– Со мной всё в порядке. В чем дело?

– Я знаю, это слегка преждевременно, и не собираюсь посылать тебя на задания немедленно, но сегодня утром ты обязательно был нужен мне здесь...

Он посмотрел на Серваса, перевел взгляд на блондинку, и в этом было нечто театральное. Говорил Стелен тихо, как будто не желал утомлять больного. Забыл, что Мартена выписали? Или ранний час предполагал сдержанность и шепот?

– Мартен, представляю тебе Кирстен Нигаард, полиция Норвегии, Крипо – подразделение по борьбе с особо тяжкими преступлениями. Мадам, это майор Мартен Сервас, бригада уголовного розыска Тулузы.

Последнюю фразу он закончил по-английски. «Значит, она и есть *деликатное дело*? – подумал Сервас. – Что забыла в Тулузе норвежская сыщица? Какого черта ей понадобилось так далеко от дома? И родинка на подбородке уродливая...»

– Здравствуйте, – с легким акцентом сказала норвежка.

Он ответил, пожал ей руку. Она посмотрела ледяным взглядом, и Мартен снова почувствовал себя *измеренным, оцененным и исчисленным*. Учитывая недавние события и последовавшие за этим перемены, он спросил себя, что она в нем разглядела.

– Садись, Мартен. Если не возражаешь, беседовать будем на английском...

Стелен выглядел на редкость озабоченным. Не исключено, что выпендривался перед норвежкой (кстати, в каком она звании?) – мол, пусть не думает, что французская полиция легкомысленно относится к делу.

– Мы получили запрос от подразделения Кирстен через Международную службу технического сотрудничества и ответили на него. Далее от норвежской полиции последовала просьба о правовой помощи. Тогда же мне позвонил патрон Кирстен, и мы договорились работать в тесном контакте, общаясь по телефону и электронной почте.

Сервас кивнул: это была обычная процедура международных расследований.

– Не знаю, с чего начать... – продолжил Стелен, переводя взгляд с майора на блондинку. – Происходящее довольно... *невероятно*. Офицер Нигаард служит в полиции Осло, на днях ее вызвали в Берген. («Господи, до чего же смешно он говорит по-английски», – рассеянно подумал Сервас.) Это на западном побережье Норвегии, – счел нужным уточнить комиссар. – Второй по величине город страны. – Холодная гостья не кивнула в подтверждение, но и не опровергла его слова. – Там произошло убийство... Жертва – молодая женщина – работала на нефтяной платформе в Северном море.

Стелен кашлянул, словно поперхнулся, поймал взгляд Серваса, и тот мгновенно настоялся: *дело касается меня, вот откуда этот вызов...*

– Офицер Нигаард поехала в Берген, потому что в кармане жертвы лежал... листок с ее фамилией, – продолжил комиссар, не глядя на Кирстен. – Один из рабочих так и не вернулся на платформу из отпуска. В его каюте были найдены фотографии, сделанные телеобъективом.

Сервасу показалось, что ими управляет, дергая за веревочки, некий демиург – тень, которая, даже не будучи названной, стремительно разрастается и затягивает их в свой мрак.

– На этих снимках ты, Мартен. – Стелен подтолкнул фотографии по столу. – Их делали в течение довольно долгого периода времени, если судить по деревьям и свету. – Он выдержал

паузу. – Обрати внимание на ту, где на обороте написано «Гюстав». Мы полагаем, так зовут мальчика.

ГЮСТАВ.

Слово взорвалось, как граната, из которой выдернули чеку. Возможно ли это?

– В вещах отсутствующего рабочего мы нашли фотографии, – сообщила Кирстен, мелодично-хрипловатым голосом. – Они привели нас сюда. Сначала мы прочли французские слова *Hotel de police* – Комиссариат полиции. Потом ваше Министерство внутренних дел сообщило, о каком именно... *politistasjonen*... э-э... комиссариате идет речь... И твой... присутствующий здесь шеф... опознал тебя.

Отсюда и воскресный звонок... У Серваса оборвалось сердце.

Он рассматривал фотографии почти не дыша. Человеческий мозг – гениальный компьютер: Мартен никогда не видел себя под подобным углом – даже в зеркале, – но сразу узнал.

Да, снимали с помощью телеобъектива. Утром, в полдень, вечером... На выходе из дома и из комиссариата... У машины... Рядом с книжным магазином... На тротуаре... На террасе кафе перед Капитолием... И даже в метро и на стоянке в центре города. Фотограф прятался между машинами...

Когда это началось? Сколько времени продолжалось?

Вопросы без ответов. Кто-то следовал за ним тенью, шаг в шаг, наблюдал, следил. В любое время суток.

На мгновение показалось, что ледяные пальцы коснулись его затылка. Просторный кабинет Стелена внезапно стал тесным и душным. Почему не зажигаются неоновые лампы? Как здесь темно...

Сервас поднял глаза: за окнами плескался рассвет.

Майор инстинктивно коснулся левой стороны груди, и этот жест не укрылся от Стелена.

– Всё хорошо, Мартен?

– Да. Продолжай.

Ему было трудно дышать. У преследовавшей его тени было имя. То, что он пытался забыть последние пять лет.

– В каюте и службах взяли биологический материал и сделали анализ ДНК, – сказал комиссар. Ему было явно не по себе. – Судя по всему, обитатель каюты регулярно ее убирал. Тщательно – но недостаточно. Один фрагмент «заговорил». В последнее время наука сделала огромный шаг вперед...

Стелен снова откашлялся и посмотрел в глаза Сервасу.

– Короче, Мартен... Норвежская полиция отыскала след... Юлиана Гиртмана.

10. Группа

Это что – новая галлюцинация? Он вернулся в реанимацию, снова стал пленником машины-паучихи, лежит себе и видит и слышит несуществующее?

Последний «привет» из Швейцарии Сервас получил пять лет назад: Гиртман прислал ему человеческое сердце, и майор решил, что оно принадлежало Марианне. Пять лет... С тех пор ничего. Ни слова, ни звука. Ни намек на след. Бывший прокурор Женевы, предполагаемый убийца сорока женщин разных национальностей, исчез с экранов радаров полицейских служб всего мира.

Улетел. Испарился.

И вот появляется норвежская цаца и утверждает, что они случайно вышли на его след. *Случайно?* Они серьезно?! Сервас с растущей тревогой слушал рассказ Стелена об убийстве в Мариакирхен. Почерк похож на гиртмановский. Профиль жертвы уж точно. Дополнительную сложность создает то обстоятельство, что за исключением следов, найденных на ферме в Польше, ни одну жертву швейцарца не нашли. Почему же сегодня преступник так наследил? Если Сервас правильно понял, жертва работала на одной платформе с Гиртманом. Возможно, она что-то о нем узнала и он заставил ее замолчать, а потом сделал ноги. Или давно домогался несчастной и наконец перешел к действиям... Нет. Что-то не складывается... А бумажка с именем и фамилией каким боком относится к делу?

– Это на него не похоже, – сказал Мартен – и перехватил острый взгляд норвежской коллеги.

– Почему ты так решил?

– Гиртман всегда работает аккуратно.

Она кивнула, соглашаясь.

– Я, конечно, не так хорошо его знаю... – она сделала неопределенный жест рукой, устанавливая порядок подчиненности, – но домашнее задание выполнила – досье Гиртмана изучила. Однако...

Сервас терпеливо ждал продолжения.

– ...приняв во внимание экспозицию места преступления, следы ног на снегу и железную трубу как предполагаемое орудие убийства, я спросила себя: а не идет ли речь о ловушке...

– Объясните...

– Представим, Гиртман узнал, что разоблачен, или она надумала его шантажировать, и они – тем или иным способом – договорились встретиться в церкви...

Полицейские помолчали.

– Он убивает ее и скрывается, – закончила Кирстен, не сводя глаз с Серваса.

– Не сходится, – Мартен покачал головой. – Если б Гиртман решил, что ему пора скрыться, не стал бы заводить с убийством.

– Возможно, он захотел наказать ее. Или «попользоваться». Или то и другое вместе взятое.

– А фотографии? И что за фортель с бумажкой в кармане жертвы? На ней была написана ваша фамилия, верно?

Она молча кивнула и положила ладонь ему на запястье. Жест поразил его своей интимностью. *У нее красивые пальцы, холеные, длинные. Маникюр безупречный, ногти покрыты розовым перламутровым лаком.*

Сервас поежился.

– Верно, и мне непонятно, какой в этом смысл. Но, если я все правильно поняла, у вас двоих долгая общая история, так? Наверное, он хотел, чтобы снимки нашли, решил... – она пыталась подобрать слово, – ...передать тебе *дружеский привет*.

* * *

– Кто этот мальчик? – спросил майор, кивнув на фотографию Гюстава. – Есть предположения?

– Ни одного. Наверное, его сын.

Сервас поднял глаза.

– Сын?

– Почему вы так удивлены?

– У Гиртмана нет детей...

– Возможно, появились – после бегства. Если снимок свежий, ребенку четыре-пять лет, а Гиртмана никто не видел шесть, я не ошибаюсь?

У Мартена мгновенно пересохло в горле. *Шесть лет...* Совпадает по времени с похищением Марианны...

– Гиртман мог сделать ребенка какой-нибудь женщине, – продолжила Кирстен. – На платформу он нанялся два года назад, а чем занимался до того, нам неизвестно. Но у тех, кто работает на платформе, частые отпуска.

Она понимает, – подумал Сервас и услышал, как Кирстен попросила, не отнимая пальцев от его запястья:

– Объяснись, иначе мы не сможем работать вместе. Не скрывай ничего.

И он решился.

– Впервые мы с Гиртманом встретились в заведении для душевнобольных, в сердце Пиренеев, – начал он по-английски.

– Пи-ре-не-ев?

Сервас махнул рукой в сторону окна.

– *Mountains... close...*⁴⁵

Она кивнула. *Ясно.*

– Это было странное место. Там содержались не обычные душевнобольные, а безумные преступники. Гиртман содержался в специальном отсеке, с самыми опасными пациентами... Его ДНК нашли на месте преступления, совершенного в нескольких километрах от заведения. Потому я и поехал, чтобы поговорить с ним.

– Его выпускали на прогулку, разрешали встречаться с посетителями?

– Нет. Меры безопасности были беспрецедентными.

– Но как же тогда? *How?*

– Это длинная история, – пробормотал Сервас, вспоминая страшное, апокалиптическое расследование 2008–2009-го, когда он едва не лишился жизни, одну лошадь обезглавили, а располагавшийся на высоте двух тысяч метров завод был похоронен под снегом на глубине семидесяти метров под скалой.

Мартену казалось, что пальцы женщины вот-вот прожгут ему кожу. Она почувствовала, что ему неловко, и убрала руку.

– Когда я вошел в камеру – там были не палаты, а самые настоящие тюремные камеры, – он слушал музыку. Своего любимого композитора... И моего тоже... Мы любим одну и ту же музыку. *Same music*. Одного и того же композитора: Малера. Густава Малера. *Гюстава*.

– Понимаю... В его каюте на платформе мы обнаружили диск... – Она нашла в смартфоне нужную фотографию и повернула экран к Сервасу. – Густав Малер.

Майор указал на озеро, высокие горы, иглу колокольни на заднем плане.

– Деревню и озеро идентифицировали?

⁴⁵ Горы... поблизости... (англ.)

Кирстен кивнула.

– Это не составило труда: Халлыштатт ⁴⁶, одна из красивейших австрийских деревень. Потрясающее место. Включено в список Всемирного наследия человечества. Австрийские федеральные службы и полиция начали собственное расследование, но мы пока не знаем, живет мальчик в деревне постоянно или приезжал с родителями на курорт. Там всегда полно туристов.

Сервас попробовал вообразить Гиртмана, гуляющего за руку с пятилетним сыном.

Стелен посмотрел на часы.

– Пора на оперативку...

Майор бросил на него удивленный взгляд.

– Я позволил себе собрать твою группу, Мартен. Ты готов?

Он кивнул – и соврал, чувствуя, что Кирстен смотрит ему в спину.

* * *

Десять утра. Присутствовали: Стелен, Венсан Эсперандье, Самира Чэн, Пюжоль и еще три члена группы № 1 плюс Мальваль, руководитель поддирекции по уголовным делам ⁴⁷, Эсканд, один из пяти следователей поддирекции по экономическим и финансовым преступлениям, занимающейся киберпреступностью, и Роксана Варен, представитель бригады по делам несовершеннолетних Полиции общественной безопасности.

Кирстен незаметно наблюдала за собравшимися. Тем же занимался и сидевший слева Сервас. Вид у майора был рассеянный. Он успел коротко изложить коллеге историю своего общения с Гиртманом «на удаленном доступе»: убийца сбежал из психиатрической больницы в Пиренеях; похитил знакомую Серваса (Кирстен догадалась, что это слово – эвфемизм и речь идет не о дружбе, а о чем-то более серьезном); оба исчезли в неизвестном направлении, и единственным приветом от Гиртмана стала присланная пять лет назад из Польши коробка с человеческим сердцем. Сначала Мартен решил, что это сердце Марианны, но позже анализ ДНК опроверг трагическое заблуждение.

Эту невероятную историю французский сыщик рассказал с непонятной отстраненностью, словно говорил о постороннем человеке и все ужасы случились не с ним. Было в таком отношении нечто, чего Кирстен не понимала и пока не могла себе объяснить.

– Представляю вам Кирстен Нигаард из полиции Осло, – сказал он и зачем-то добавил: – Это в Норвегии.

Прозвучало глупо.

Она наблюдала за каждым, пока майор коротко докладывал сотрудникам то, что ей уже было известно. Они слушали очень внимательно. И *вглядывались*. В него.

Атмосфера совершенно переменялась, как только Мартен сообщил, что след Юлиана Гиртмана обнаружился в Норвегии. Полицейские переглянулись, воздух как будто сгустился.

– Прошу, Кирстен.

Она с полсекунды молчала, слушая дождь, как биение пульса, потом заговорила, повысив голос:

– Мы связались с Евроюстом ⁴⁸. Разворачивается международная операция в пяти странах – Норвегии, Франции, Польше, Швейцарии и Австрии.

⁴⁶ Халлыштатт – ярмарочная община в федеральной земле Верхняя Австрия, в труднодоступной альпийской местности на Халлыштаттском озере. Памятник Всемирного наследия ЮНЕСКО.

⁴⁷ Уголовный розыск на территории Франции осуществляют три поддирекции, которые входят в состав Центральной дирекции судебной (уголовной) полиции: поддирекция обеспечения технической и научной информацией судебной полиции; поддирекция по уголовным делам; поддирекция по экономическим и финансовым преступлениям.

⁴⁸ Агентство Европейского союза, имеющее дело с судебными органами. Евроюст состоит из прокуроров, судей или сотруд-

Она сделала паузу и увидела, что все на нее смотрят. Кирстен знала, о чем сейчас думают эти люди. Норвегия – не та ли это скандинавская страна, где тюрьмы напоминают северную версию «Клабмед»⁴⁹, а легавые никогда не задают задержанным неприятных вопросов? Присутствующие на оперативке сотрудники, конечно же, не знают, что ее родину много лет критиковали за манеру сажать задержанных в камеру в комиссариатах, а в тюрьмах изолировать каждого второго преступника в одиночке. Они понятия не имеют, что норвежский музыкант и видный деятель неоязыческого и неонацистского движений Кристиан Викернес, совершивший в 1993-м умышленное убийство гитариста Эйстейна Ошета и отсидевший пятнадцать лет (из присужденного по совокупности двадцати одного года за поджог трех церквей)⁵⁰, а потом задержанный во Франции, куда переселился с семьей, расхваливал образцовое отношение французских полицейских по сравнению с «поведением банды ублюдков, называемой норвежской полицией».

Кирстен, будь ее воля, с превеликим удовольствием затолкала бы электрогитару этого фашизоидного гаденыша в одно из не предназначенных для этого мест. Кроме того, она была наслышана о методах работы, популярных во французских полицейских комиссариатах.

Она нажала на кнопку пульта и включила стоявший у дальней стены телевизор. Головы повернулись к экрану, на котором через несколько секунд появилось изображение. Металлические стойки, мостик, стальной решетчатый настил пола, бушующее море – материал с видеокамер, установленных на нефтяной платформе.

В конце мостика появился силуэт, приблизился к камере, и Кирстен нажала на «паузу». Сервас не мог отвести взгляд от «призрака». Никаких сомнений, это он. Волосы чуть длиннее, развеваются на морском ветру, но в остальном точно такой, каким он его помнил.

– Гиртман проработал на платформе два года. Адрес в анкете, заполненной при найме, естественно, липовый, как и биография. Документы, найденные при обыске каюты, мало что нам дали. По судебному ордеру мы получили доступ к банковскому счету, на который перечислялась зарплата Гиртмана, и сумели частично восстановить его перемещения по миру: он переводил деньги на другие счета в налоговых оазисах. Норвежская полиция подозревает Гиртмана не только в убийстве этой женщины, но и в причастности к исчезновению многих других в окрестностях Осло. Это одна из причин моего присутствия здесь.

О другой Кирстен решила до поры умолчать.

– Этот человек наверняка давно покинул Норвегию. В декабре две тысячи восьмого он сбежал из... – она сверилась со своими записями, – ...института Варнье. В июне десятого снова побывал у вас, а в одиннадцатом был замечен в Польше. Именно там, в отдельно стоящем доме в Беловежской пуще, были обнаружены останки многих его жертв. Только молодых женщин. Это случилось пять лет назад. Следующие пять лет для нас – черная дыра. Теперь мы выяснили, где он провел два последних года: на платформе в Северном море. Не надо иллюзий: такой, как Юлиан Гиртман, может исчезнуть надолго – если не навсегда, – и мы его не найдем. – Кирстен бросила взгляд на Серваса, но тот был погружен в собственные мысли и не сводил глаз с экрана, где, как чайка в полете, застыло изображение его врага. – Подобный тип не мог не убивать целых пять лет. Это немыслимо. Наше расследование имеет целью восстановить его преступный маршрут, используя недавно полученные сведения. Будем исходить из принципа, что все это время Гиртман оставался в Европе, хотя гарантий нет, учитывая часы

ников полиции, наделенных аналогичными полномочиями от каждого государства, входящего в ЕС. Его задача заключается в повышении эффективности национальных властей в расследованиях и судебных разбирательствах в отношении трансграничной и организованной преступности.

⁴⁹ «Клабмед» (ClubMed, сокращение от Club Méditerranée) – международный туроператор, владелец и управляющий французской сетью курортов в разных странах.

⁵⁰ Речь идет о резонансном преступлении в среде норвежского тяжелого рока (вернее, блэк-металла), проникнутого духом антихристианства и сатанизма. Кристиан Викернес более известен как Варг Викернес, основатель группы «Бурзум», а Эйстейн Ошет – как Евронимус, лидер группы «Мэйхем».

налета и заработанные мили. К слову сказать, нынешняя профессия идеальна для подобного человека: отпускных дней больше, чем рабочих, хорошие деньги и неограниченная зона действий, судя по пунктам в электронных билетах. Мы разошлем его фотографию во все концы континента; возможно, сработает. Нам известен его *модус operandi* и профиль предыдущих жертв. Молодые женщины жили в приграничных с Швейцарией районах: Доломиты, Бавария, Австрийские Альпы, Польша... Живя на нелегальном положении, он мог совершать преступления в любом месте. Предыдущие попытки отыскать его след ничего не дали. Бесплезно говорить, что шансы преуспеть ничтожно малы...

Сделав паузу, Кирстен посмотрела на Серваса – тот с грехом пополам переводил для тех, кто не владел английским, – и протянула фотографию Гюстава соседке справа.

– Передайте по рядам, – велел майор.

– Второй пункт расследования касается этого ребенка. Снимок найден в вещах Гиртмана. Мы не знаем, кто он. Где он сейчас. Жив или нет... Ничего не знаем.

– Гиртман никогда не покушался на детей, – вмешалась уродливая молодая женщина по имени Самира, безупречно говорившая по-английски. – Он не педофил. Его жертвы – взрослые женщины, молодые и привлекательные, как вы сами только что подчеркнули.

Самира сидела, положив ноги в сапожках из псевдозмеиной кожи на край стола, и рассказывалась на задних ножках стула. На груди, под кожаной курткой, висел на цепочке маленький череп.

– Верно. Мы полагаем, что мальчик может быть его сыном. Или ребенком одной из его жертв...

– Что еще о нем известно? – поинтересовался лысый здоровяк, не переставая что-то черкать в блокноте. Наверняка портрет *докладчицы*.

– Ничего, кроме имени. Даже национальность не можем предположить. Знаем только, где сделана фотография. В Халльштатте, в Австрии. Их федеральная полиция задействована. Однако... Этот курорт очень популярен, там всегда много туристов, так что ребенок мог случайно попасть в объектив.

– Гиртман – турист?! – Тон Самиры был откровенно скептическим.

– Почему нет? – подал реплику Венсан. – В толпе легко затеряться. Как там говорил Честертон? Где умный человек прячет лист? ⁵¹

– В чем наша роль? – спросил плешистый верзила. – Я вас впервые вижу, у меня полно своих дел... Зачем терять время на ерунду?

Кирстен не поняла смысла произнесенной по-французски фразы, но по тону и смущенным лицам полицейских поняла, что реплика прозвучала неприятная и даже обидная – возможно, для нее самой или для всей норвежской полиции в целом.

– Мы допросили его соседа по каюте и коллег по платформе, – сообщила она. – Выяснили, что держался Гиртман особняком, не распространялся о том, как распоряжается свободным временем на берегу. На борту, если не дежурил, читал и слушал музыку. Классическую.

Взгляд в сторону Серваса.

– Самое важное – снимки вашего начальника. Они доказывают, что Гиртман провел в Тулузе много времени и... по непонятной причине возвращается... к вам, Мартен. Проверка банковского счета и аудит расходов подтверждают: *в течение двух последних лет этот человек неоднократно приезжал в ваш город*.

Еще один взгляд на майора.

⁵¹ Цитата из рассказа «Сломанная шпага» Г. Честертон (1874–1936): «– А где умный человек прячет лист? – В лесу. – Но что ему делать, если леса нет? – Он сажает лес, чтобы спрятать лист. И если ему надо спрятать мертвый лист, он сажает мертвый лес» (пер. с англ. А. Ибрагимова).

– Не исключено, что швейцарец собирается вернуться сюда и сейчас. Повторюсь: нам известен профиль жертв, мы знаем, как он действует, и стараемся выявить все исчезновения женщин в регионе за несколько последних месяцев.

– Эта работа была сделана и ничего не дала, – сообщила Самира.

Многие кивком подтвердили ее правоту.

– Давным-давно, – не согласился с подчиненной Сервас. – А потом у нас было много других дел...

Кирстен заметила, как переглянулись Венсан с Самирой, и угадала их мысль: *слишком легко, слишком просто.*

– Вы проделали впечатляющую работу, – сказала она, – пусть даже эта работа не дала результатов. Я собираюсь задержаться в Тулузе на некоторое время – комиссар Стелен и майор Сервас дали согласие на сотрудничество. Понимаю, у вас много других дел, и Гиртман – не приоритет, но подумайте вот о чем: если он здесь, может, стоит уделить ему немного времени?

«Если он здесь...» Ловко, подумал Сервас, очень ловко. Он понял, что та же мысль укротила его подчиненных: они купились на блеф норвежки. Призрак швейцарца все равно не даст им покоя.

Именно этого и добивалась *скандинавская гостья.*

11. Вечер

На венской Карлплац, в австрийской снежной ночи, выделялся неоклассический фасад Музикферайна – Общества друзей музыки в Вене, дома Венского филармонического оркестра. Залитые светом дорические колонны, высокие сводчатые окна и треугольный фронтон делали Венскую филармонию похожей на храм. Она и была храмом музыки, одним из лучших по акустике в мире. Меломаны переживали здесь уникальный звуковой опыт – если верить мнению специалистов. Многим венским критикам случалось досадовать на программную политику, приторность моцартовских концертов и набивших оскомину бетховенских. Они называли это глянцем для туристов с *ленивым слухом*.

Однако этим вечером в позолоте Музикферайна Венский филармонический оркестр под управлением Бернхарда Цехетмайера играл «Песни об умерших детях»⁵² Густава Малера. В свои восемьдесят три года *Император* не утратил ни юношеского пыла, ни высочайшей требовательности. Он нередко безжалостно отчитывал на репетиции музыканта, чья игра казалась ему «дилетантской» (худший недостаток, по мнению маэстро). Легенда гласит, что однажды он покинул возвышение, подошел к *второй скрипке*, болтавшему с соседом, и закатил ему такую оплеуху, что бедолага свалился со стула. «Слышал, как верно она звучала?» – спросил он и вернулся к пюпитру.

Конечно, это не более чем изящный анекдот, но о самом «малерском» (после Бернштейна) руководителе Венского филармонического оркестра рассказывали много разных историй. Учитывая камерный характер песен, концерт давали не в Золотом зале, а Брамсовском, меньшем по размеру. Так решил *Император*, несмотря на протесты администрации (шестьсот посадочных мест хуже тысячи семисот!). Но Цехетмайер последовал примеру композитора: в 1905 году, сочиняя это произведение, Малер репетировал в Брамсовском зале. *Император* доверил вокальные партии тенору и двум баритонам, хотя современная традиция тяготела к женским голосам.

Последние такты коды отзвучали под потолком зала, элегические и умиротворенные на фоне неистовой ярости первой части. Неясный голос рожка слился с угасающим тремоло томных виолончелей. Несколько бесконечно долгих секунд зал молчал, потом взорвался аплодисментами. Слушатели в едином порыве поднялись, чтобы приветствовать *дирижера* и его музыкантов. Цехетмайер благосклонно принимал крики «браво!» – он всю жизнь был очень тщеславен – и кланялся так низко, как позволяли больная спина и гордыня. Заметив знакомое лицо в зале, подал незаметный знак и ушел в свою гримуборную.

Через две минуты в дверь постучали.

– Входи!

Посетитель был ровесником маэстро – ему исполнилось восемьдесят два, голову украшала грива седых волос, кустистые брови смешно подергивались. Рядом с высоким тощим дирижером он выглядел корпулентным коротышкой. Этому человеку никогда не пришло бы в голову дать руководителю Венского филармонического оркестра нелепое прозвище Император. В этой комнате сейчас и впрямь присутствовал *Император* – Йозеф Визер, построивший одну из самых могущественных промышленных империй Австрии в области нефтехимии и производства целлюлозы и бумаги. Поспособствовали ему в этом щедрые австрийские леса и архивыгодная женитьба: он получил от жены капитал и нужные выходы на капитанов узкого круга сильных мира сего. Два следующих брака оказались не менее удачными; теперь он соби-

⁵² «Песни об умерших детях» – вокальный цикл для голоса и оркестра Г. Малера на слова Ф. Рюккерта, 428 стихотворений, написанных им в 1833–1834 гг. под влиянием скорби, связанной с болезнью (скарлатина) и смертью двух его детей (по другой версии, умер один ребенок).

рался жениться в четвертый раз – на журналистке из экономического пула на сорок лет моложе себя.

– Что происходит? – с порога спросил гость.

– Есть новости, – ответил дирижер, надевая на майку белую крахмальную рубашку.

– Новости?

Цехетмайер ответил горящим взглядом в стиле киногероя немецкого экспрессионизма.

– Обнаружили его след.

– *Что?! –* Голос миллиардера сорвался. – Где?

– В Норвегии. На нефтяной платформе. Информация надежная, от моего человека.

Визер не реагировал, и Цехетмайер продолжил:

– Похоже, негодяй там работал. Он убил женщину в бергенской церкви – и растворился.

– Ему удалось исчезнуть?

– Да.

– Дьявол!

– Зато теперь достать его будет легче, чем в тюрьме, – утешил дирижер.

– Не будь так уверен.

– Есть кое-что еще...

– Да?

– Ребенок.

– Что значит *ребенок*? – изумился Визер.

– В его вещах нашли снимок пятилетнего малыша. Угадай, как его зовут...

Миллиардер покачал головой.

– Гюстав.

У промышленника округлились глаза. Им владели противоречивые эмоции – озадаченность, надежда, недоумение.

– Думаешь, это может быть...

– Его сын? Очень вероятно. – Взгляд дирижера утонул в зеркале, отразившем строгое печальное лицо. Цехетмайер повернулся к собеседнику, посмотрел на него маленькими злыми глазами и спросил: – Это открывает перспективы, разве не так?

– Что еще нам известно о мальчике?

– Пока немного. – *Император* колебался. – Но он должен очень дорожить ребенком, раз держит при себе фотографию. – Протянул промышленнику снимок Гюстава на фоне гор, озера и колокольни Халльштатт.

Мужчины переглянулись. Они «нашли друг друга» – по воле Провидения или Случая – после очередного триумфа Цехетмайера на концерте вокального цикла «Песни об умерших детях». Йозеф Визер был до глубины души потрясен его версией малеровского шедевра. Огни в зале погасли, а он сидел и плакал – настоящими слезами – впервые за очень долгое время. Плакало сердце отца, потерявшего дочь. Визер нутром чувствовал, что интерпретатор глубоко почувствовал произведение, помня, что Малер тоже потерял ребенка: его старшая дочь умерла (правда, уже после первого исполнения «Песен»).

Визер попросил разрешения пройти за кулисы. Он поздравил маэстро и отважился задать вопрос:

– Что помогло вам проникнуться духом партитуры?

– Потеря ребенка, – ответил Цехетмайер.

Визер был потрясен.

– Вы... тоже?

– Дочь, – холодно подтвердил дирижер. – Самое нежное и прекрасное создание на свете.

Она училась музыке в Зальцбурге.

– Как? – осмелился спросить Визер.

– Ее убил монстр...

Миллиардеру показалось, что земля ушла у него из-под ног.

– Монстр?

– Юлиан Гиртман. Прокурор Женевского суда. Он убил больше...

– Я знаю, кто такой Юлиан Гиртман, – перебил его Визер.

– Понимаю. Прочитали в газетах...

У промышленника кружилась голова.

– Нет. У меня самого... я... моя дочь была... убита этим монстром. Во всяком случае, так полагали полицейские... Тело не нашли... Но Гиртман находился поблизости, когда она исчезла.

Он говорил очень тихо и не был уверен, что собеседник услышал, но *Император* смотрел изумленно, потом нетерпеливым жестом отослал костюмершу.

– И что вы чувствуете? – спросил он, когда они остались одни.

Визер опустил голову, уставился в пол.

– Отчаяние, гнев, ужасную тоску, поруганную отцовскую любовь...

– Желание отомстить? Ненависть?

Визер посмотрел в глаза Цехетмайеру – в них плескались ярость и безумие.

– Я ненавижу его с того дня, как узнал, что случилось с моей дочерью, – сказал дирижер. – Пятнадцать лет назад. Я каждое утро просыпаюсь с этим чувством. Ненависть – чистая, беспримесная, неизменная. Раньше мне казалось, что со временем она утихнет, но становится только хуже. Вам не приходило в голову, что полиция никогда не найдет убийцу, если ей не помочь? Чуть-чуть...

* * *

Они подружились. Это была странная дружба, основанная не на любви, а на ненависти. Два старика в вечном трауре объединились, чтобы отомстить. Двое одержимых с общей тайной. Они не считались с расходами, как и все, кого терзает навязчивая идея. Сначала встречались на охоте, вели разговоры в венских кафе, строили гипотезы, обменивались информацией. Цехетмайер прочел и просмотрел почти все, что опубликовали и сняли о швейцарце на немецком, английском и французском языках. Книги, статьи, телепередачи, документальные фильмы... Безумие заразно, и Визер очень скоро увяз в документах, полученных от дирижера. Разговоры продолжились. Шли недели, месяцы. План постепенно структурировался. Сначала они собирались использовать только деньги и связи (в основном Визера), чтобы попробовать отыскать следы Гиртмана. Наняли частных детективов, но результаты оказались невразумительными. Визер обратился к знакомому в австрийской полиции – и ничего не добился. Тогда они решили использовать Интернет и соцсети. Собрали больше десяти миллионов евро. Эти деньги должны были стать вознаграждением любому, кто укажет надежный след. Обещали миллион за любую стоящую информацию. Был создан веб-сайт для общения с осведомителями. Они получили сотни нелепых сообщений, но на контакт вышли и серьезные профессионалы. Полицейские, журналисты, даже частные сыщики из разных стран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.